
ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С ПРАЗДНИКОМ,
ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 10 (1811)

4 МАРТА 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЭТО ПРО НАС

Репортаж об одной семье, живущей в городе Днепропетровске, смотрите на 11—13-й страницах.

12 апреля 1961 года имя этого человека облетело весь мир. Первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета его земляки — жители Сычевского избирательного округа, Смоленской области. Недавно он встретился со своими избирателями в Гжатске.

Фото И. Рабиновича.

В Москве и во Владивостоке, в Ташкенте и на Чукотке — по всей стране трудящиеся встречаются сейчас с теми, кого они назвали своими кандидатами в советский парламент. Народу его кандидаты лично известны: в Верховный Совет выбирают лучших, достойнейших.

ЛИЧНО ИЗВЕСТНЫ

— Жалко оставлять друзей хоть на день, но иногда приходится. Вот так и мне пришлось: оставила друзей из четвертого цеха, перешла в одиннадцатый,— рассказывает Зинаида Николаевна Мясникова. Лучшая аппаратчица Калужского комбината синтетических душистых веществ не задумалась ни на минуту, когда ей предложили перейти в отстающий цех. Зинаида Николаевна и в новом для нее цехе сумела сплотить коллектив, заставила людей поверить в свои силы.

Шесть лет назад пришла она сюда, окончив Ленинградский химико-технологический техникум. Сначала простой ученицей: на комбинате не было нужды в аппаратчиках. Теперь ее авторитет признали все на заводе. К Мясниковой стремятся попасть на практику студенты-выпускники, аспиранты, работающие над диссертациями. Зинаида Николаевна до тонкостей знает, что происходит внутри аппаратов, какие химические процессы и как именно протекают там. А главное, с этим открытым, искренним человеком как-то весело и легко работать.

Зинаида Николаевна — прекрасная общественница.

Трудящиеся Калуги одной из первых назвали З. Н. Мясникову кандидатом в депутаты советского парламента.

Фото М. Савина.

Вера Николаевна Чуркина (вторая справа) — бригадир коллектива коммунистического труда, кавалер ордена Ленина, делегат XXII съезда КПСС. А ныне и кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Астраханскому избирательному округу. Эту славную женщину сделали широко известной упорный труд, неустанные поиски нового. Бригада маляров строительного управления «Отделстрой» треста «Астраханпромстрой», которой руководит Вера Николаевна, одной из первых в области перешла на новые, прогрессивные методы работы.

Фото О. Ландер. →

Михаилу Сарангович Манджиеву (третий слева) всего 25 лет. Но он успел уже многое сделать: строил Сибирский филиал Академии наук СССР, сооружал Оля-Каспийский канал. А когда в 1957 году партия призвала молодежь поднимать животноводство, бывший строитель стал чабаном. Сейчас он работает в сельхозартели «Вторая пятилетка», Каспийского района, Калмыцкой АССР. В прошлом году его бригада получила 158 ягнят на каждую сотню маток, а в четвертом году семилетки даст не менее 160 ягнят! Односельчане ценят Манджиева не только за самоотверженный труд, но и за чуткость, скромность, высокое сознание долга. Молодой чабан, член райкома комсомола, выдвинут кандидатом в Верховный Совет СССР.

Фото Л. Ольгиной. →

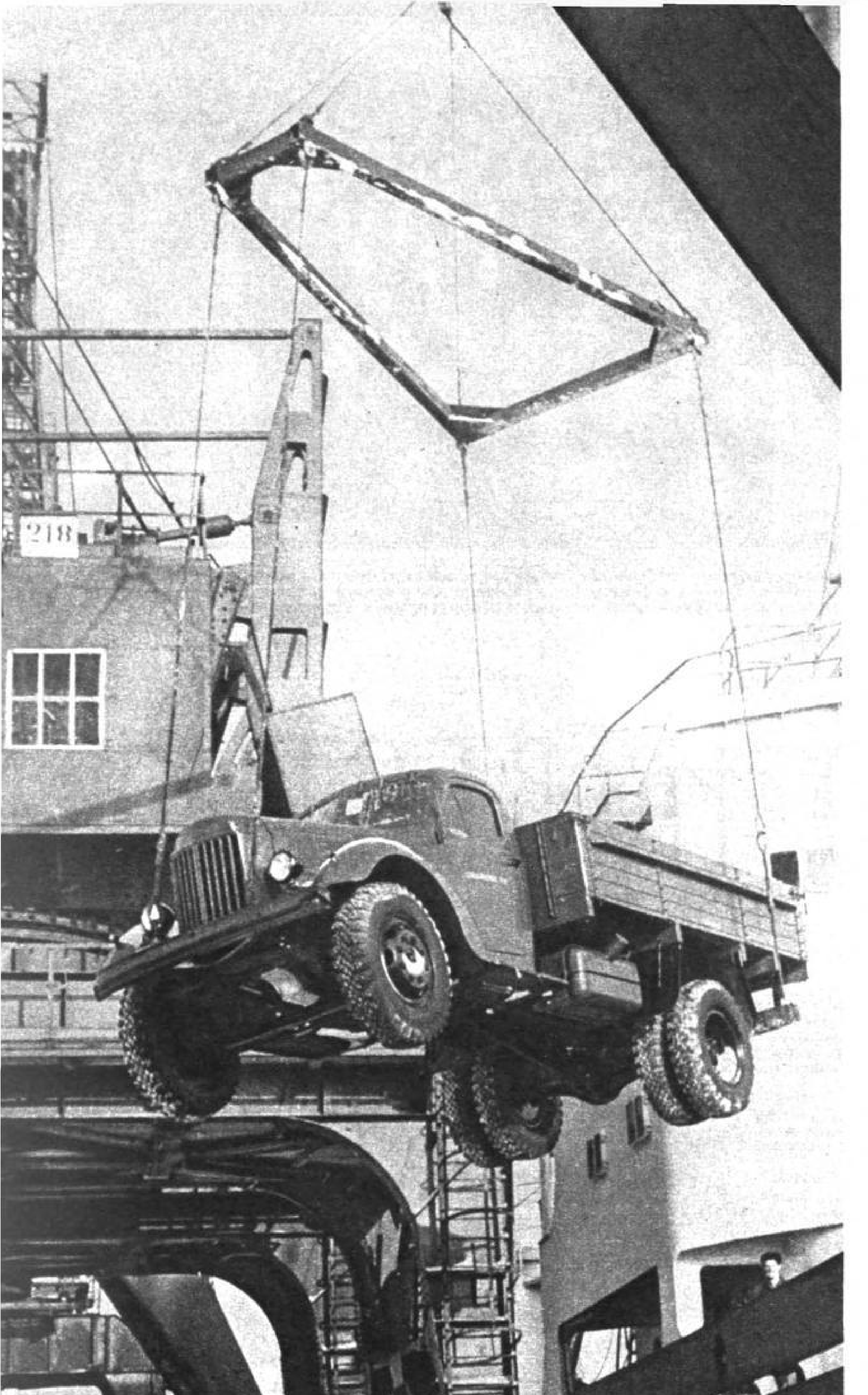
Ирина Константиновна Архипова (третья слева). Это имя знают не только у нас на Родине. Советской певице аплодировали в Риме и в Неаполе. В Италии ее назвали «московская Кармен». Много прекрасных сценических образов создала Архипова на оперных подмостках. А ведь когда-то Ирина вовсе не собиралась быть актрисой. Она окончила Московский архитектурный институт. Студенткой пела в самодеятельном коллективе. Уже работая в одной из проектных мастерских, поступила на вечернее отделение консерватории.

Сценическая деятельность отнимает много времени. Но Ирина Константиновна занимается и общественной деятельностью. Она часто выступает в шефских концертах, пропагандируя музыку на предприятиях, активно работает в редколлегии многотиражной газеты Большого театра, участвует в заседаниях товарищеского суда. Москвичи выдвинули Ирину Архипову кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Недавно она встречалась с избирателями Свердловского избирательного округа.

Фото А. Батанова (ТАСС). →

ЭТО ВСЕ ДЛЯ КУБЫ

— Вас интересует только Куба? — спрашивает заместитель начальника Управления внешних сношений Ленинградского совнархоза Федор Степанович Яковлев.

Получив утвердительный ответ, он несет из соседней комнаты четыре объемистые конторские книги.

— Смотрите! Тут все подробнейшим образом записано, — сказал Федор Степанович.— На Кубу мы экспортируем самые различные изделия.

Листая одну за другой страницы, мы как бы вновь читали уверенные слова Заявления Советского правительства: «Братские чувства советского народа к Кубе крепнут день ото дня».

Еще недавно далекая островная страна в экспорте Северо-Западного экономического района совсем отсутствовала. А сегодня десятки заводов и фабрик шлют на Кубу с берегов Невы множество различных изделий. Точнейшие измерительные приборы, микроскопы, станки, высокочастотные установки, дизель-генераторы, экскаваторы, сварочное оборудование, строительные машины, шлифовальные круги...

Ленинград всегда славился строгой точностью своих экспортеров. Ленинградцы стремятся отправить нужные кубинцам изделия раньше условленного срока. На заводе «Пневматика» мы увидели большой плакат, призывающий быстрее выполнить заказы братской Кубы. Еще не кончился февраль, а завод полностью отгрузил партию пневматических отбойных молотков, запланированную на конец первого квартала.

На конвейере шинного завода — поток покрышек и камер для мотоциклов и автомобилей.

— Это все для Кубы, — говорят рабочие. — Надо было отправить в апреле, но мы решили порадовать кубинцев, отгрузить сегодня.

Когда империалисты объявили полный запрет на торговлю с Кубой, многие предприятия Северо-Западного экономического района нашли возможным включить в экспорт товары, которых была лишена Куба. Мясокомбинат имени С. М. Кирова стал поставлять пищевой жир.

— Иначе мы не могли поступить, — говорит начальник цеха Л. К. Егорова. — Мы ведь сами пережили страшную блокаду, знаем, как трудно бывает в такие дни.

Ленинградцы экспортируют на Кубу не только сложные хирургические инструменты, медицинские приборы, но и всевозможные медицинские препараты, зубоврачебный материал, витамины...

Ледоколы чуть не каждый день взламывают лед в канале и Финском заливе, выводя на морской простор крупные суда. Из Ленинградского торгового порта непрерывно идут к берегам Кубы советские теплоходы. Недавно, на сутки раньше срока, ушел «Александровск», груженный автомашинами, удобрениями, цементом. Вслед за ним отправился в Гавану «Ижевск». А к южной дамбе под погрузку стал теплоход «Аткарск». Едва из трюмов был выгружен кубинский сахар, как мощные краны стали загружать судно химическими удобрениями, металлом... В десятый раз «Аткарск» уходит с грузами к берегам Кубы.

— Мы побывали почти во всех портах Кубы, — рассказывает капитан Г. Д. Агафонов. — И всюду нас встречали, как родных братьев.

На столе в каюте капитана лежат портреты кубинских революционеров с дарственными надписями. На стене — национальное знамя кубинского народа.

— Его нам подарили в порту Сьенфуэгос, — говорит капитан.

Нынешний рейс на Кубу экипаж «Аткарска» решил провести скоростным методом.

— Ведь рейс будет проходить в дни, предшествующие выборам в Верховный Совет СССР, — сказал Г. Д. Агафонов. — Мы горячо одобряем Заявление Советского правительства. США не удастся взять Кубу измором, не удастся задушить блокадой!

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Н. Ананьева.

← Кран, точно игрушку, поднимает автомобиль и опускает его в трюм «Аткарска».

В цехе мясокомбината имени С. М. Кирова десятки бочек наполнены жиром. На каждой из них адрес получателя — «Гавана».

ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГОВ

Герой Социалистического Труда М. Мальцев. Высшая награда. Воениздат. Москва. 1962. 144 стр.

Орден Ленина номер один... Им наградили более тридцати лет назад, 23 мая 1930 года, «Комсомольскую правду» в день пятилетия газеты за ее выдающиеся заслуги в строительстве социализма. Так вошел в нашу жизнь орден Ленина. Ему посвящена только что вышедшая книга Героя Социалистического Труда М. Мальцева «Высшая награда». Открывается книга фотографией В. И. Ленина на III Конгрессе Коммунистического Интернационала в 1921 году, которая была использована при создании барельефа для ордена Ленина.

Это не обычный знак отличия. Впервые за много столетий высшая награда названа именем не какого-нибудь святого или сказочного животного, а носит имя человечнейшего из людей, имя, близкое всем трудящимся земли. Орден Ленина в отличие от орденов дореволюционной России не дает никаких потомственных привилегий; он знак великой чести, которую оказывает народ лучшим своим представителям. И если бы однажды всех награжденных этим орденом собрать вместе, то можно было бы увидеть среди них колхозницу и министра, рабочего и академика, бухгалтера и всемирно известного космонавта. Это подлинно народный орден. Недаром им награждены многотысячные заводские коллективы и целые республики, насчитывающие десятки миллионов тружеников...

Владимир Ильич Ленин придавал серьезное значение государственным наградам в социалистическом обществе. Он писал: «...Всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться как орденом... так и денежными премиями».

За последние тридцать с лишним лет было свыше трехсот сорока тысяч награждений орденом Ленина. Чтобы описать каждое из них, понадобились бы многие и многие тома. Автор книги «Высшая награда» ограничился обзором наиболее интересных награждений в период первых пятилеток, во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Но даже в таких кратких очерках, как в книге М. Мальцева, перед читателем предстает неповторимая летопись народных подвигов в труде и на поле брани.

В. АННЕНКОВ

Валя

Представьте себе впечатления человека, который жил далеко от Москвы и впервые попал в этот город. Добавьте к этому, что человеку всего 14 лет от роду. Валя Петрищева приехала в Москву учиться, приехала одна. В рабочем поселке под Липецком осталась ее семья: мать, брат, младшая сестренка. Семье жилось нелегко: отец погиб на войне. А мать всегда мечтала, чтобы Валя получила образование.

В сумочке — свидетельство об окончании семилетки, впереди — экзамены в московский техникум. Девочка тогда еще смутно представляла себе, нем она будет, когда окончит техникум. Призвание еще не определилось. Может быть, поэтому на первом же экзамене в фармацевтическом техникуме она получила двойку. Возвращаться домой с поражением Вале не хотелось. Нужно было срочно устраиваться на работу.

В отделе кадров разных заводов с четырнадцатилетней девочкой разговаривали снисходительно, хотя и сочувственно: «В куклы бы тебе играть да через веревочку скакать... Ну куда мы тебя возьмем? Подрастешь — тогда и приходи». И так везде.

Но на прядильно-ткацкой фабрике имени Фрунзе Валя попала к заместителю директора, а заместителем директора там была Мария Ивановна Виноградова. Та самая Мария Виноградова — помните? Она и ее подруга — однофамилица Е. Виноградова — стали первыми многостаночницами в текстильной промышленности.

И Валю приняли в школу ФЗО при фабрике. Она стала прядильщицей. Станков тогда не хватало — целых два года пришлось работать съемщицей, а ей хотелось обязательно к станку.

И вот наконец долгожданный станок. Первые неудачи, первые радости. Валя внимательно присматривалась к работе соседок. Как легко, даже изящно соединяет обрыв нитей бригадир Тамара Невзорова. У Вали работа идет пока медленно, а так хочется, чтобы побыстрее... Нашла! Когда обрывается пряжа, Валя теперь не отщипывает распущенный конец, а раскручивает нить до полной параллельности волокон и пускает в машину. И тогда пряжа соединяется быстро, а главное, прочно.

А что, если увеличить скорость вращения веретен? Но тогда ведь придется еще точней, еще быстрей выполнять операции... Попробовать? Валя посоветовалась с мастером Якушевой, пошла в партком. Там заинтересовались ее предложением. Но нашлись скептики: «От увеличения скоростей хорошего не жди: прядильщица за машиной не поспеет. Ничего из этого не выйдет».

А у Вали Петрищевой вышло. Машина постепенно начала увеличивать число оборотов. 9 тысяч, 10 тысяч, 11 тысяч... И Валя успевала. Торопливо шумят веретена. Движения рук девушки неуловимы, легки. Теперь Валя работает почти на 12 тысячах оборотов! Подружки-текстильщицы подхватили опыт Петрищевой. Одна за другой прядильщицы стали выполнять операции проще, быстрее...

Так на московской фабрике имени Фрунзе развернулось соревнование за личный вклад каждого в снижение себестоимости продукции, соревнование, которое начала Валя Петрищева. За 1961 год на фабрике было сэкономлено около 100 тысяч рублей. Так родился новый почин, который подхватили текстильщики всего Советского Союза.

По вечерам Валя училась в школе рабочей молодежи. Окончила десять классов и поступила в вечерний текстильный институт. «Учиться и работать, конечно, трудно. Но вы знаете, такая интересная у меня работа», — говорит Валя Петрищева, депутат Моссовета, прядильщица бригады коммунистического труда.

...Недавно рабочие фабрики имени Фрунзе выдвинули Валентину Петрищеву кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Л. СОКОЛОВА

Рукою Пушкина

Всего два листа бумаги. Но какие это листы! На одном своеобразным энергическим, как бы летящим почерком начертаны два стихотворения «Подражания древним». На другом — письмо к Анне Петровне Керн от 14 августа 1825 года. Письмо к Керн — на бумаге с водяными знаками, выпущенной в 1824 году фабрикой Хлюстиных, а «Подражания древним» — на бумаге завода, принадлежащего Гончаровым.

Эти пушкинские автографы хранились в собрании народного артиста РСФСР Николая Павловича Смирнова-Сокольского. Недавно его вдова Софья Петровна, выполняя волю покойного, вручила драгоценный дар Пушкинскому дому в Ленинграде.

С. П. Смирнова-Сокольская передает пушкинские автографы директору Пушкинского дома члену-корреспонденту Академии наук СССР А. С. Бушмину.

Фото Г. Санько.

Техник-актинометрист П. А. Сумина за работой.

Фото автора.

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

ДОМ ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Снежная выдалась зима в Костромской области. Неоглядные леса — берендеево царство — укутаны пушистым покрывалом. Туманное пятно негреющего солнца желтеет в морозной дымке. Кажется: вся природа непробудно спит. Но под толщей снегов теплится жизнь. Копит силы для нового урожая озимь, трава готовится брызнуть острыми зелеными стрелами. Что же происходит сейчас с растениями, как сохраняется их жизнестойкость во время долгой северной зимы? Этими вопросами заняты сейчас работники агрометеорологической станции «Кострома».

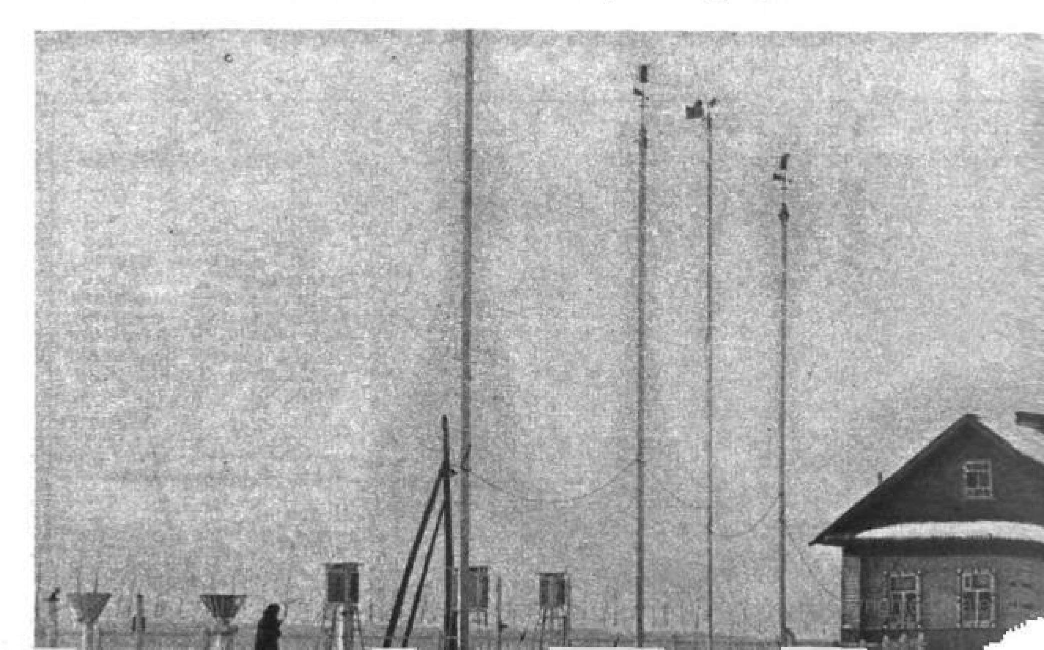
В маленьком домике — стоит он в поле, за околицей села Малышково, — днем и ночью идет работа. Мерно гудят самописцы, регистрируя показания приборов, передаваемые с метеоплощадки, регулярно, с точностью до минуты; выходят на площадку наблюдатели, записывают последние данные о погоде. Длинным частоколом торчат из-под снега термометры — они показывают температуру почвы на разной глубине: от нескольких сантиметров до трех метров.

Год за годом работники станции разрабатывают темы, важные для сельского хозяйства области. Например, оценивают агрометеоусловия произрастания льна, томатов, кукурузы. Несколько лет работники станции испытывали на полях совхоза «Заволжский» различные сорта кукурузы. В итоге кропотливой работы было установлено: лучший сорт для Костромы — это «буковинская-3». Она дает здесь початки молочно-восковой спелости и много зеленой массы, богатой органическими веществами. Кроме того, опыты показали, что кукурузу можно сеять на полмесяца раньше, чем это делалось до сих пор: в Костромской области «буковинская-3» хорошо переносит небольшие заморозки.

Часто приходят сюда за советами агрономы, бригадиры из соседних хозяйств, студенты Костромского сельхозинститута. Слушатели агрономических курсов знакомятся здесь с основами агрометеорологии. И потому на станцию можно легко пройти в метель, в непогоду: к маленькому домику ведет хорошо протоптанная тропа.

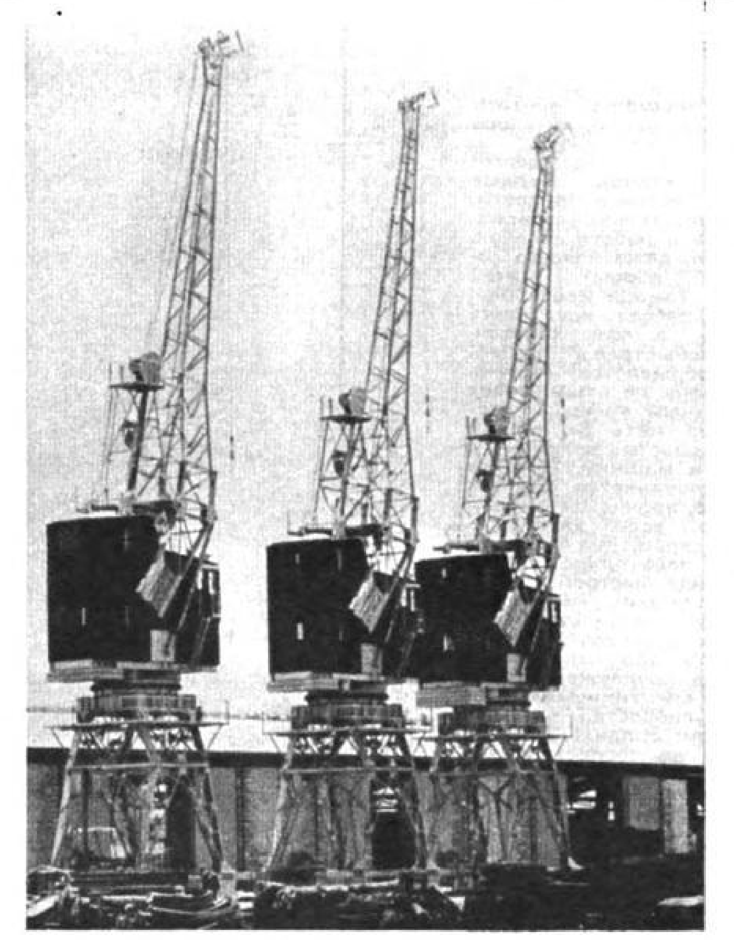
Ю. КРИВОНОСОВ

Агрометеорологическая станция «Кострома».

«Океан никогда не бывает сухим».

Краны нового порта Темы.

ЖАРКОЕ

В зеленом Кумаси — в Гане его называют городом-садом, — в одном из парков прямо под открытым небом расположился музей.

Создан музей недавно, и экспонатов в нем не очень много. За стеклом витрин висят старинные мечи — ржавчина уже тронула их клинки, но позолота рукоятей еще блестит. Деревянные троны вождей народа ашанти поражают искусной резьбой. На ярких тканях, из которых здесь делают национальную одежду — кенте, — словно навсегда застыли солнечные блики. Все необычно и интересно.

Но самый интересный экспонат — небольшой, квадратный, чем-то туго набитый кожаный мешок. От времени кожа на нем потемнела и потрескалась, кое-где лопнули ремешки, которыми он сшит. Однако по-прежнему прочно скрывает он свою тайну, этот мешок, который называют здесь сокровищницей народа ашанти. Никто не знает, что хранится в нем. Не сказал об этом и легендарный Окомфо Анокие, духовный вождь ашанти, который завещал его два с половиной века назад своему народу. Предание гласит, что если мешок будет открыт, это принесет народу ашанти несчастье.

Каир в эти дни

Каир с самолета виден издалека. Как три верблюжьих горба, поднимаются на желтой песчаной почве пирамиды. Позже уже замечаешь сфинкса, поврежденного некогда чужеземными завоевателями. Каир, стоящий на рубеже Африки и Азии, за последние годы стал местом многих международных встреч.

И на этот раз, выполняя волю делегатов Ташкентской конференции писателей Африки и Азии, в Каир собрались литераторы двух великих континентов. Собрались для того, чтобы обменяться опытом, продолжить и укрепить связи, родившиеся за последние годы, годы, наполненные великим духом освобождения всего человечества от империализма и колониализма.

В числе многих делегаций — а их на этот раз было в Каире около пятидесяти — арабские писатели встречали и советских литераторов. Москва, Ташкент, Душанбе, Алма-Ата, Фрунзе, Ереван, Тбилиси, Баку, Ашхабад направили своих представителей в Каир.

Четыре дня длилась конференция. На трибуну ее выходили писатели Алжира, Камеруна, Сьерра-Леоне, Нигерии, Индии, Японии, Бирмы... За каждым из ораторов стояли его народ, его литература.

У советских писателей старая и верная дружба с египетскими писателями. Мы это почувствовали еще и еще раз на конференции в Каире. Председатель подготовительного комитета выдающийся египетский писатель Юсеф эль Сибаи очень сердечно встретил нашу делегацию.

Кто знал раньше литературу Нигерии, страны, терзаемой колониализмом? Сейчас мы услышали голос свободной Нигерии. Наша делегация сидела рядом с нигерийскими писателями, и когда с трибуны сошел Моквучо Окае, руки ему крепко пожимали многие делегаты. Пожимали руки и советские литераторы. Голос представителя еще одной литературы громко прозвучал на этой конференции. И таких было много. Представитель Кувейта, слепой писатель, вышел на трибуну в сопровождении поводыря. Он говорил:

— Если свобода унижена в одной части мира, она унижена во всем мире. Писатели должны просвещать свой народ. Они исцелители народной души.

Алжирский писатель говорил:

— Борьба за культуру является политической борьбой. Только дух борьбы создает новые ценности, которые приобретают международное значение.

Конференция как бы текла по двум руслам. На трибунах, в работе комиссий и очень горячо — в кулуарах.

Это был живейший обмен мнениями, мыслями, соображениями о жизни и роли литераторов в обществе. Узбекскую поэтессу, тонкого лирика Зульфию, если можно так сказать, буквально разрывали на части. Ее забрасывали вопросами представители различных газет и журналов. Ее и грузинского поэта Ираклия Абашидзе приглашали на поэтические симпозиумы. Телезрители Каира слушали стихи советских поэтов. Во время одного из перерывов с Зульфией разговорилась хрупкая, высокая, красивая женщина — Хадиджа Сафват. Это была поэтесса из Судана. Зульфия спросила Хадиджу:

— Что вы пишете?

— Я писала стихи, — ответила Хадиджа.

— Разве сейчас не пишете?

— Сейчас не пишу.

— Почему?

— Сейчас я занимаюсь политической деятельностью.

— Но поэт не имеет права бросать свое оружие. Можно быть лирическим поэтом и выражать свои убеждения в стихах.

— У нас это трудно. Наш литературный язык не понимает народ.

— А вы попробуйте опереться на народный язык, и тогда вы сумеете сказать народу то, что думаете.

— А как у вас? — спросила Хадиджа.

— Наша литература опирается на народный язык. Не бросайте стихи, Хадиджа.

— О, это так важно, то, что вы сказали, дорогая моя сестра,— сказала суданская поэтесса.

Их часто потом можно было видеть вместе.

По счастливому совпадению, в Каире в эти дни гастролировал Новосибирский театр оперы и балета. В старом театральном здании, в котором некогда была впервые поставлена опера «Аида», новосибирцы показывали балетные спектакли. На один из них, балет «Щелкунчик» Чайковского, были приглашены вместе с трудящимися Каира и участники конференции. Нельзя было без волнения смотреть на то, что происходило на сцене. Здесь было нечто особенное, глубоко трогающее души каждого из нас.

Дело в том, что детские партии в этом спектакле исполняли участники балетной каирской школы, которой руководят советские хореографы. Спектакль шел удивительно живо. К концу каждого акта зрители устраивали овации. Мы сидели в ложе с японской писательницей, участницей Ташкентской конференции. Я видел, как волновалась эта маленькая женщина, она говорила:

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

На днях в нашей редакции побывали участники Каирской конференции писателей Азии и Африки Иосиэ Хотта (Япония) и Саджад Захир (Индия).

Фото С. Фридлянда.

СОЛНЦЕ СВОБОДЫ

Но хоть никто и никогда не осмелился заглянуть в сокровищницу Окомфо Анокие, несчастья не обошли народ ашанти стороной. Богатства Ганы — золото и алмазы, ее земля, ее леса — магнитом притягивали колонизаторов. После войн, которые вела здесь Англия, в многолюдном Кумаси осталось всего три тысячи жителей. Колонизаторы стали хозяевами, почти богами — в их руках была судьба земли и судьбы людей. Казалось, конца не будет их владычеству...

Ганская пословица гласит: «Океан никогда не бывает сухим». Как ни крепки были решетки на тюрьмах, построенных колонизаторами, как ни суровы были колониальные законы, не слабело, а лишь сильнее становилось у народа стремление к свободе. Выросли люди, для которых целью жизни стала независимость родины, счастье своего народа.

В 1953 году в Законодательной ассамблее Золотого Берега руководитель Народной партии конвента Кваме Нкрума потребовал независимости для страны. В своей речи он повторил слова «одного великого человека» о том, что жить надо так, чтобы «вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

6 марта этого года Гана будет праздновать уже пятую годовщину своей независимости. Пять лет назад Гана стала первой страной, которая перестала быть колонией в так называемой Черной Африке.

...Лежит за стеклом музейной витрины сокровищница Окомфо Анокие. Народ Ганы знает теперь новые средства, чтобы уберечь от несчастья свою страну. Недавно, около месяца назад, президент Ганы Кваме Нкрума официально открыл новый порт Тему. Гана строит: она хочет, чтобы ее национальная экономика имела прочный фундамент. Мир слышит твердые голоса представителей Ганы на международных конференциях в защиту мира. Для ганцев достаточно тех войн, которые они вели против колонизаторов.

Шестого марта в Гане, конечно, как обычно, будет жарко светить солнце. И еще ярче будут в его лучах красно-желто-зеленые национальные флаги, которые в этот день вывесят и в Аккре, и в Кумаси, и во всех городах и деревнях Ганы. Заполнят улицы люди, одетые в кенте из таких же тканей, как те, что выставлены в музее. Будут звучать тамтамы, будет веселье и смех. Народ будет праздновать годовщину своей победы.

Александр СЕРБИН

В зале заседаний Каирской конференции.

— Это прекрасно! Это больше, чем музыка! Больше, чем искусство! Это жизнь!

И когда в конце спектакля русская няня нежно склонилась над египетской девочкой, зал снова разразился овациями.

В эти же дни на экранах кинотеатров мы увидели хроникальный фильм о строительстве Асуанской плотины. Увидели мощные советские машины, словно врезанные в ярко-голубое африканское небо.

Таков был Каир в эти дни. Каир шумный, веселый, темпераментный, горячо встретивший литераторов двух континентов и сердечно провожавший их в обратный путь.

А. СОФРОНОВ

Делегаты конференции Мирзо Турсун-заде, Зульфия, В. Кожевников, Б. Кербабаев в Каире.

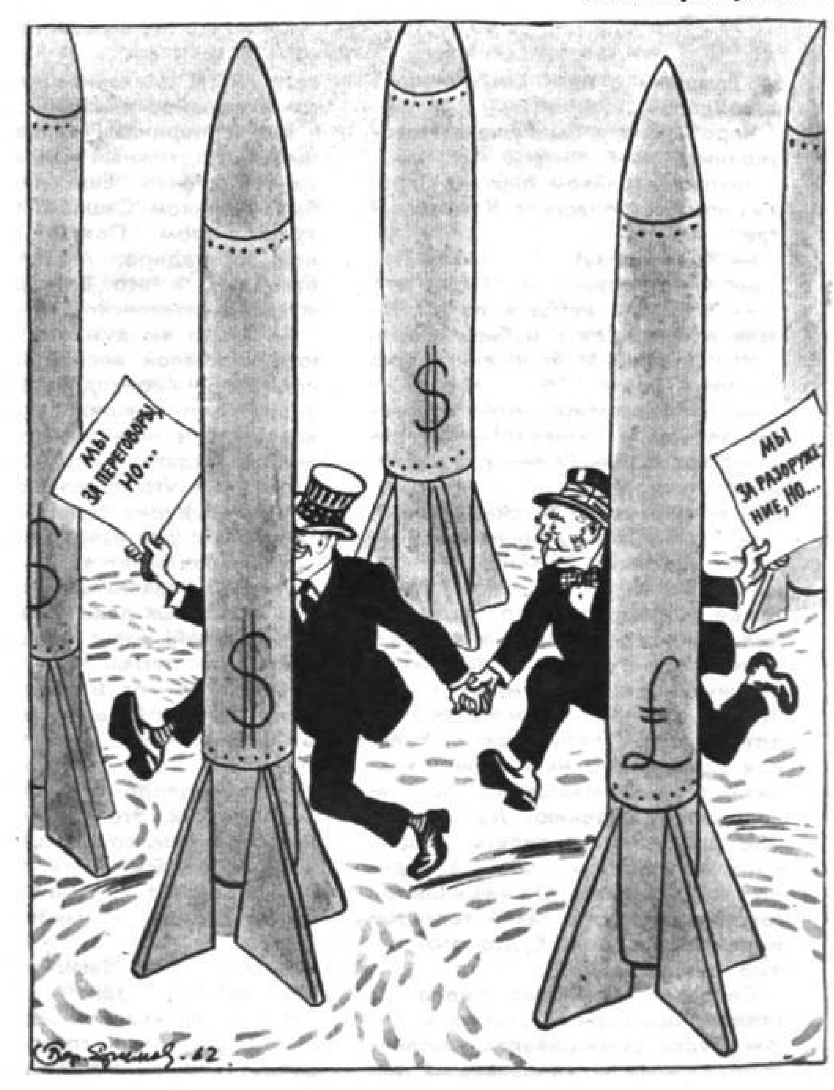
ФРАЗЫ И БОМБЫ

В Соединенных Штатах Америки елейные речи государственных лидеров произносятся под своеобразный аккомпанемент. Взрыв за взрывом грохочут на испытательном полигоне в Неваде. В Ньюпорт-Ньюсе, штат Вирджиния, г-жа Макнамара, супруга министра обороны, разбила бутылку шампанского о борт новой подводной лодки, оснащенной ракетами «Поларис». Плавучую базу агрессии кощунственно нарекли «Томас Джефферсон»...

Когда же руководители США от громких слов о своей приверженности к миру и разоружению перейдут к делам? — этот вопрос все решительнее задает народ Америки. В стране ширится движение протеста против ядерных приготовлений. Миролюбивая общественность США одобряет инициативу Советского правительства, открывающую путь к всеобщему и полному разоружению, приветствует послание Н. С. Хрущева президенту Кеннеди, проникнутое заботой о мире и безопасности народов.

На снимке вы видите участниц демонстрации, американских женщин. Они вышли на улицы Нью-Йорка с одним требованием: обеспечить мир. Ну, а правительство США? Оно выслало навстречу демонстранткам полицейские заслоны...

Рис. Бор. Ефимова.

Далеко, как ни крутите,
Не уехать на обмане.
Мир взывает: прекратите
Рокенроллить на вулкане!

Л. Степанов

Иван ВИННИЧЕНКО

Как Сашко стал Алекс

Из блокнота писателя

Я много лет знаю Александра Васильевича Гиталова. Когда-то он был просто Сашко, а теперь стал почтенным, уважаемым Александром Васильевичем. Этот человек является гордостью Украины и всего Советского Союза.

Так говорил Никита Сергеевич Хрущев о своем «крестнике» 22 декабря 1961 года в Киеве на совещании работников сельского хозяйства Украинской ССР.

Почему «о крестнике»? Да как же! Ведь Никита Сергеевич...

А впрочем, лучше я расскажу обо всем по порядку.

О нем рассказать невозможно!

Вспоминается февраль 1950 года... Я работал тогда в «Известиях». И вот как-то в хмурый, по-осеннему слякотный день накануне выборов в Верховный Совет СССР вызывает меня редактор.

— Надо срочно ехать на Кировоградщину, к Гиталову. Надеюсь, вы слышали о нем? Он выдвинут кандидатом...

Через день я был уже в Новоукраинке.

Захожу в райком партии. Спрашиваю, как попасть в Камышеватое.

— К Гиталову?

— К Гиталову.

— Эге, ищи ветра в поле! Поехал встречаться с избирателями.

Что делать? Иду к секретарю райкома.

— Так вы хотите, чтобы я рассказал вам о Гиталове? — Он покачал головой.— О нем рассказать невозможно!

И тут же начал рассказывать.

— Вы бы только посмотрели на него: высокий, плечистый, грузный... Богатырь! Он как будто самой природой предназначен для тяжелого физического труда. А ведь вся его жизнь, весь смысл его жизни и состоит именно в том, чтобы избавить и самого себя и других от изнурительной мускульной работы. Это настоящий механизатор, механизатор по призванию, по убеждению! Да... Много мне приходилось видеть людей, которые любят и знают свое дело. Но Гиталов... О машинах он говорит обычно с такой теплотой и нежностью, как будто это живые существа...

Секретарь райкома сидел за столом, прищурясь, улыбаясь. Он как будто всматривался мысленным взором в создаваемый им портрет, стараясь не упустить ни единой черточки. И говорил, говорил... Я еле успевал записывать.

— Гиталов,— продолжал он,— прекрасный организатор. А какой воспитатель! Настоящий педагог типа Макаренко. Был, знаете, такой случай...

Записав все услышанное в блокнот, я стал просить его, чтобы он помог мне как можно скорее встретиться с Гиталовым: только этого, дескать, мне и не хватает!

Секретарь райкома удивился.

— Как! А разве вы не собирались побывать в Камышеватом? Гиталов ведь — человек скромный, он мало что о себе расскажет. А вот его хлопцы... Знаете, как они любят своего Сашка? Прямо души в нем не чают. Вы там, в Камышеватом, не один блокнот испишете...

Сашко и его хлопцы

У меня сохранились все записи этой памятной для меня поездки, но мне не нужно в них заглядывать. Все те люди, с которыми мне пришлось тогда говорить, как живые встают передо мной, и я как бы слышу каждое их слово...

Вот суровый на вид, немногословный человек — председатель камышеватского колхоза, бывший фронтовик Федор Кухаренко. Он рассказывает о том, как по инициативе Гиталова было проведено укрупнение колхоза и какой это дало экономический эффект.

— Да,— говорит он,— Гиталов — это голова. Да я бы с радостью уступил ему свое председательское место. Так разве ж он согласится? Механизация для него — основное в жизни...

Вот «соперник» Гиталова — сухощавый, подвижный человек — Михаил Ткаченко. Еще недавно он был учеником Сашка. Потом стал трактористом. Потом помощником бригадира. А теперь сам бригадир, и его бригада соревнуется с гиталовской.

— А что вы думаете? Соревнуюсь. Прошлой весной целых десять дней переходящее Красное знамя было в моих руках. Потом все ж таки пришлось отдать Гиталову. Отдавал — как от сердца отрывал. А что поделаешь? С ним, бывает, в дурня сядешь гулять, и то черта с два выиграешь!..

Ткаченко смеется.

— Да, — заключает он. — Гиталов — в своем деле стратег. А человек какой! Вот и воюешь с ним, и бьет он тебя... Но это ж все равно, что от батьки родного подзатыльник схватить или двойку от учителя — все для твоей же пользы...

А вот молодой тракторист Леонид Кравчук. Это совсем еще зеленый юноша со свекольным румянцем во всю щеку. Он нетерпеливо ерзает на скамье, пытаясь что-то сказать. И наконец не выдерживает.

— Александр Васильевич — такой человек... такой человек...— говорит он, краснея еще больше.

— Да что там толковать,— выручает его пожилой, степенного вида механизатор Федор Мирошниченко,— любим мы его, и вся недолга! Вот давно уже с нем работаем, а нет его в поле — сумно как-то на сердце. И вдруг — мотоцикл. Сашко едет! Ну, сразу тебе и весело станет и работа пойдет на лад...

...Гиталова я настиг через день где-то, кажется, в Помошной,— он выступал там перед рабочими железнодорожного узла.

Взволнованный, возбужденный только что закончившимся предвыборным собранием, он наспех, торопясь на какое-то новое собрание, рассказал мне о самом главном — об истории начатого им массового соревнования за высокую культуру земледелия.

Дело было так. В феврале 1947 года Гиталов впервые выступил на совещании передовиков сельского хозяйства Украины. Подводились итоги минувшего, 1946 года. В президиуме, близко к трибуне, сидел Никита Сергеевич Хрущев, а рядом с ним — Прасковья Ангелина.

— Вышел я на трибуну,— рассказывал мне Гиталов,— глянул на Никиту Сергеевича и, верите ли, растерялся. Никогда еще не приходилось мне выступать на таком ответственном совещании. Ну, потом ничего, взял себя в руки, начал докладывать о достижениях нашей тракторной бригады. А достижения у нас были тогда лучшие в области. Рассказываю я об этом и вдруг вижу — поворачивается Никита Сергеевич к Ангелиной и говорит: «Вот, Паша, с кем тебе надо соревноваться,— с Гиталовым!» «А что ж, вот возьму и вызову! — отвечает Паша и ко мне в упор: — Слышишь, Гиталов, о чем разговор? Хочу с тобой соревноваться. Согласен?» «Согласен!» — говорю, а сам думаю: вот влип, так влип! «Только с условием,— продолжает Паша,— будем с тобой бороться не только за высокую выработку, но и за культуру земледелия, за высокий урожай. Согласен?» Нечего делать, согласился я и на это. «Тогда по рукам!» — говорит Ангелина и протягивает мне руку. Зал так и загремел от аплодисментов. Смотрю, и Никита Сергеевич аплодирует. «Ну,— сказал я себе,— держись, Гиталов, теперь на тебя вся Украина смотрит!»

Из соревнования Гиталов вышел победителем. В 1947 году его бригада достигла небывалой выработки и такой урожайности, какая многим в ту пору и не снилась. Гиталову было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

На следующий год с бригадой Гиталова соревновалось уже сто тракторных бригад Кировоградщины. А сейчас...

— А сейчас,— говорил, улыбаясь, Гиталов,— число наших «противников» грозит дойти до пятисот. Верите ли, чуть не каждый день получаем «дипломатические ноты»!..

Мы беседовали с ним очень недолго, да и беседа наша была, по правде сказать, довольно сухой, официальной. Но именно эта первая, короткая беседа с Гиталовым и оставила у меня навсегда впечатление о нем как о человеке значительном, необычайно душевном и обаятельном.

Русский инженер Гиталов

Вскоре журналистская судьба забросила меня за пределы нашей страны, и Гиталов как-то выпал из моего поля зрения. Правда, я и оттуда, из-за рубежа, насколько это было возможно, пытался следить за его деятельностью. Но сообщения о Гиталове в газетах попадались все реже, и лишь несколько лет спустя о нем заговорили снова.

И неспроста. Во-первых, в начале 1958 года за высокие показатели работы в колхозе он получил вторую звездочку Героя. А во-вторых... Может быть, помните?

В 1958 году на декабрьском Пленуме ЦК КПСС Гиталов и его коллега Мануковский рассказали о первых своих победах в области комплексной механизации возделывания кукурузы. И с тех пор какую ни возьмешь газету: Гиталов — Мануковский, Мануковский — Гиталов. И снова Гиталов. Очерки, корреспонденции, интервью, статьи о Гиталове, статьи самого Гиталова...

Но что интересно! Имя талантливого советского механизатора стало популярным не только у нас, в СССР, но и за океаном, в Соединенных Штатах Америки. Дело в том, что летом 1958 года бригадир тракторной бригады колхоза имени XX съезда КПСС Новоукраинского района, Кировоградской области, Александр Гиталов более трех месяцев проработал в Кун Рапидсе, штат Айова, на ферме известного американского кукурузовода Росуэлла Гарста, побывавшего незадолго перед тем в Советском Союзе.

— Русский инженер Гиталов! — так представлял гостям мистер Гарст своего необычного работника.

Гарст привозил любопытных соседей-фермеров в поле и не без гордости показывал им один из участков, на котором росла особенно роскошная кукуруза.

— Видите этот участок? — говорил он.— Его от начала до конца обработал мистер Гиталов. О, это очень способный и деловой человек! — И, понизив голос, добавлял, кивая на широкую спину «мистера Гиталова»: — Если у них все такие парни, как этот, то, будьте покойны, они нас перегонят!..

Надо ли говорить о том, с каким глубоким интересом я читал обо всем этом в газетах и журналах? Меня так и подмывало бросить все дела и махнуть на Кировоградщину. Но обстоятельства складывались так, что я долго не мог этого сделать. И вот...

Ну, не обидно ли? Получилось так, что, выбравшись наконец к Гиталову — это было в августе 1959 года,— я разминулся с ним: он уехал отдыхать в Ялту.

Один с сошкой, семеро с ложкой

О том, что Гиталов уехал отдыхать, я узнал сразу же, как только попал в районный центр, и у

меня сразу же возникло решение — податься к нему в Ялту. Но не мог же я повернуть оглобли, так и не побывав у него в бригаде, не поговорив с его хлопцами, не увидев собственными глазами всего того, что произошло за это время в колхозе имени XX съезда КПСС!..

Я поехал в Камышеватое, и с первых же дней передо мной открылась сложная и противоречивая картина. Гиталов действительно очень много сделал для того, чтобы полностью механизировать трудоемкие процессы, — в этом не было ни малейшего сомнения. Но в то же время...

Однажды рано утром я отправился в поле, чтобы поглядеть, как убирают кукурузу на силос. Вдоль кромки поля двигался новый, экспериментальный комбайн «ККХ-3». Рядом шла грузовая машина, и в нее, как из рога изобилия, непрерывно сыпались молодые початки. Сзади был приторочен прицеп, куда поступала измельченная зеленая масса. Как только он наполнился до краев, к нему тотчас же подъехало самоходное шасси с таким же пустым прицепом. Произошла минутная остановка для смены прицепов, и комбайн двинулся дальше, а самоходное шасси с нагруженным прицепом отправилось в обратный рейс, к силосной траншее.

Ну, а как производилось силосование? Обычно на разгрузке машин и закладке зеленой массы стоят человек пятнадцать. Здесь же, добродушно ворча и попыхивая, по-медвежьи топтался одинокий гусеничный трактор. Прицепы то саморазгружающиеся, и потому никакой подсобной рабочей силы не требовалось!

В кулуарах XXII съезда КПСС. Крайний слева — А. Гиталов.

Фото Дм. Бальтерманца.

андром Васильевичем

«Вот она, подлинно комплексная механизация!» — подумалось мне, и я поделился своими восторгами с остановившимся на перекур трактористом. Он усмехнулся, потом сказал:

— А вы знаете, сколько еще будет хлопот с этим силосом? Из траншеи выгрузить надо? Надо. Потом сгрузить возле коровника. Потом погрузить на тележку подвесной дороги. И все вручную. Вот и пошла насмарку вся наша механизация!

А потом мне довелось увидеть, как убирали сахарную свеклу. Остроумно сконструированная уборочная машина не только извлекала свеклу из почвы, но и очищала ее от ботвы и сваливала очищенные корни в кучи. Но за машиной неотступно следовало около сорока женщин-колхозниц, вооруженных остро отточенными ножами. Они, видите ли, доочищали свеклу, и это была не какая-нибудь случайная работа, вызванная неисправностью комбайна, а вполне «законная», предусмотренная конструкторами подсобная операция...

Еще хуже обстояло дело на животноводческих фермах. Особенно с механизацией вспомогательных, подсобных работ.

Но и это еще не все. Я походил по селу, поговорил с колхозниками, с механизаторами, с новым председателем колхоза Василием Григорьевичем Зайченко, толковым и энергичным человеком, бывшим директором МТС. Потом просидел два дня в бухгалтерии, перелистывая годовые отчеты. И что же я выяснил?..

Бригада Гиталова из года в год выращивала для колхоза высокие урожаи всех полевых культур, сведя себестоимость продукции до минимума. И тем не менее колхоз имени XX съезда КПСС, тот самый колхоз, где работала эта передовая бригада, вряд ли можно было назвать таким уж передовым по экономическому его уровню. Во всяком случае, он и в сравнение не шел с такими богатыми хозяйствами, как, скажем, знаменитый колхоз имени XXI съезда КПСС на Одесщине, где председателем Макар Анисимович Посмитный.

— Вообще-то,— говорили мне,— нельзя сказать, что наше хозяйство такое уж слабое. Но греха таить нечего. И доходы колхоза, и доходы колхозников, и благоустройство нашего села — да разве ж соответствует все это тем большим делам, что творятся у нас на полях? На гиталовскую бригаду, можно сказать, вся Украина, весь Советский Союз смотрит, а у нас...

Почти весь тот экономический эффект, что давала колхозу комплексная механизация полевых работ, «съедали» другие, еще очень слабо механизированные отрасли хозяйства, и прежде всего вообще слабо развитое животноводство.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что создавшееся не совсем нормальное положение в колхозе глубоко переживали не только его руководители, но и рядовые труженики. Особенно механизаторы, хотя они и зарабатывали намного больше любого колхозника. Ведь обидно же, черт возьми, говорили они, что их труд (и какой труд!) не дает в конечном счете того, что мог бы дать! И многие из камышеватцев упорно поговаривали о том, что неплохо бы, дескать, было, если бы во главе колхоза встал Гиталов. А потом я узнал, что эту же мысль высказывал кое-кто и в районе и даже в области. Да и мне самому, по правде сказать, она показалась резонной. Но вот беда: Гиталов и слушать не хотел ни о каком председательстве! И когда мне рассказывали об этом, я невольно думал: «А не зазнался ли наш герой? Не отказывается ли он от руководства колхозом лишь потому, что эта трудная работа уже ничего не может прибавить к его славе?..»

Переполненный вот такими противоречивыми впечатлениями и мыслями, я и отправился наконец в Ялту к Гиталову.

И вот мы сидим с ним у открытого окна, в затененной, прохладной комнате санатория, и я без утайки выкладываю ему все то, что мне пришлось увидеть, услышать и передумать за время пребывания в Камышеватом, а он лишь хмурится в ответ, старательно пришивая пуговицу к пиджаку.

— Что же вы мне скажете? — спросил я у него.

— Да что ж тут можно сказать? Ситуация, конечно, сложилась трудная. Но только... не с того конца надо ее решать!

Гиталов откусил нитку, задумался.

— Вот вы говорите, кое-кто предлагает сделать меня председателем... Не знаю, может быть, мне и удалось бы в какой-то мере поднять колхоз. Так разве ж в том моя главная задача? Я же механизатор. Чуете? Механизатор! В этом моя жизнь, мой талант... Мое дело мирошныцькэ, пидкруты, та й сядь. Но я должен так подкрутить, чтобы вся мельница ходуном заходила, чтобы каждая хозяйка сказала мне спасибо за мою муку, чтобы на опаре из той муки весь колхоз, все наше село взошло, как белая паляница в печке. Цэ ж воно так, правда?

Я молчал, еще не совсем понимая, куда он клонит. А он продолжал:

— Признайтесь, вам же, наверно, рассказывали, как честил меня мой друг Макар Анисимович Посмитный за то, что наши механизаторы, на его думку, «даром гроши получают», что они зарабатывают намного больше любого колхозника? Рассказывали? Ну, ясное дело! Что ж, он, конечно, в какой-то мере прав. Тут есть какая-то несправедливость, и ее надо ликвидировать. Ну, так к этому ж делу тоже можно подойти с двух концов. Можно сделать так, как советует Посмитный: снизить оплату механизаторов и подогнать ее к заработку всех остальных колхозников. Спрашивается: кому от этого будет польза? Так не лучше ли, наоборот, поднять заработок всех колхозников до уровня оплаты механизаторов? Как это

сделать? А очень просто: надо сделать так, чтобы механизаторами стали все колхозники!

— Позвольте,— изумился я,— но разве это возможно?

— Да ведь в этом же и состоит вся суть комплексной механизации! Она-то и должна преобразить не только экономику колхозов, но и вообще всю нашу колхозную жизнь!..

Он неожиданно рассмеялся.

— Знаете, как называл меня мой американский «хозяин» мистер Гарст? «Русский инженер Гиталов». Так вот я и думаю: все мы, советские механизаторы, — в какой-то мере инженеры. И дело тут не только в том, что в наших руках техника... Вы понимаете? Мы сами инженеры своего и общего счастья!..

Вопрос вопросов

В январе 1961 года Гиталов приехал в Москву на Пленум ЦК КПСС, и я, узнав об этом, решил «поймать» его в тот же день, пока он еще свободен от заседаний. Но мне удалось это сделать только поздно вечером, и то лишь по телефону.

— А, старый знакомый? Здравствуйте, здравствуйте! — приветствовал он меня, сняв телефонную трубку.— Что, спрашиваете, у меня нового? Да вы же знаете, что мне спать не дает!

— Комплексная механизация?

— Она самая. Помните наш последний разговор?

И через минуту.

— Так и запишите! — гремел он по телефону, все более воодушевляясь.— Это же знаете, какой важный вопрос? Вопрос вопросов! Надо искоренить ручной, физический труд всюду — и на основных работах, и на подсобных, и в полеводстве, и в животноводстве... Чтобы мы забыли о нем и думать! А то ведь знаете, как у нас бывает?.. Помните, я, кажется, рассказывал... Был я как-то в Херсоне на заводе сельскохозяйственной техники. Ну, и показали мне там кое-какие новые машины. А я посмотрел на них и говорю: «Что ж, машины хорошие, а только не видать нам с ними комплексной механизации, как сове солнца!» Конструкторы обиделись. «Почему?» — спрашивают. «Да потому,— говорю,— что к каждой вашей машине еще нужна подсобная рабочая сила!» Так оно и получается на практике. Да вы ж и сами видели это у нас в колхозе на уборке сахарной свеклы! А возьмите животноводство... И здесь такая же картина. А то, пожалуй, и хуже. Словом, вот к чему я клоню: надо добиться того, чтобы наши конструкторы и машиностроители создавали не просто машины, а комплексы машин для всех видов работ. Вы понимаете? Чтобы они охватывали собой весь производственный процесс!

Мы условились встретиться летом в колхозе.

— Приезжайте! — сказал мне Гиталов.— Думаю, что к тому времени у нас уже будет кое-что новое...

Испытание

Гиталов и прежде занимался испытанием новой сельскохозяйственной техники. Теперь же испытательская его деятельность достигла небывалых масштабов. С весны 1961 года на полях камышеватского колхоза испытывалось более тридцати марок новых машин. Вы представляете? Более тридцати марок!

И, конечно, Гиталов вкладывал в это дело всю свою душу. Еще бы! Ведь многие из тех машин, что испытывались в колхозе, были созданы по его собственным советам и рекомендациям. А потом... Это же были первые ласточки тех замечательных комплексов, о которых он так вдохновенно говорил на январском Пленуме ЦК КПСС!

Разумеется, проводимая Гиталовым большая испытательская работа уже выходила за рамки непосредственных производственных задач колхоза. Но в то же время она и помогала в решении этих задач хотя бы тем, что в его распоряжении теперь всегда было избыточное количество машин. Главное же то, что новая техника позволяла во многих случаях механизировать и те работы, которые выполнялись прежде вручную. Но иногда...

Как раз незадолго перед тем, как я приехал в колхоз, Гиталову прислали на испытание два комплекта новых, экспериментальных машин для поточной уборки хлебов. Новые уборочные агрегаты, состоящие из самоходных комбайнов, оборудованных измельчителями и сменными прицепными тележками для соломы, сразу же пришлись по душе всем колхозникам. Они давали возможность одновременно с подборкой и обмолотом валков убирать и солому, освобождая поле для лущения стерни и зяблевой вспашки. При этом солома смешивалась с половой и превращалась в отличный корм для скота.

Пробный выезд в поле вселил уверенность в том, что машины будут работать хорошо, и Гиталов, рассчитывая с их помощью убрать значительную часть озимой пшеницы, посадил на них лучших своих комбайнеров — Дмитрия Отяна и Петра Танцюру. Да и кому, как не этим «профессорам» комбайновой уборки, он мог доверить столь ответственное испытание!

Но испытание есть испытание. Малейшие конструктивные неполадки в не освоенных еще механизмах приводили к частым и длительным простоям. А тут еще «стихийное бедствие» — сказочный урожай и такой стеблестой, что измельчители буквально давились соломой, не успевая «пережевывать» ее.

И вот — вы представляете? — лучшие комбайнеры колхоза оказались, что называется, «первыми сзади», не заработав и трети того, что могли бы заработать, посади их Гиталов на обычные, «пристрелянные» комбайны...

Немало хлопот доставил и новый, опытный скирдоформитель. Он то и дело выбывал из строя, и на токах возникал затор.

Все это удалось в конце концов преодолеть, и спустя несколько дней после моего приезда новые машины работали уже полным ходом. Даже о дополнительной оплате механизаторов за испытание новой техники удалось договориться с министерством! Но можете представить себе, чего это стоило Гиталову.

Испытание машин стало для него испытанием характера.

Да... Нового здесь было хоть отбавляй! Но это у Гиталова, в его бригаде. А в самом колхозе, в его экономике?..

Гиталов под «фатой»

Я жил на полевом стане гиталовской бригады, проводя все дни то в поле, у комбайнов, то на токах, то в мастерских. Потом отправился в правление колхоза, чтобы снова покопаться в отчетах и поговорить с председателем.

Придя в село, я остановился, пораженный. Право же, центр его был просто неузнаваем. Два года назад, когда я был в Камышеватом в последний раз, оно только-только еще начало отстраиваться. Теперь же почти вся главная улица состояла из рассыпавшихся по обе ее стороны, как два выводка цыплят, новых стандартных домиков. Вдоль них протянулись асфальтовые тротуары. Появились новые здания столовой, детского сада, сельского Совета, комбината бытового обслуживания...

В самом центре, напротив здания школы, улица расширялась, образуя площадь. Здесь было начато строительство колхозного Дома культуры. А перед ним, окруженный шелковистой зеленью газонов, уже возвышался, сверкая полированной поверхностью, гранитный постамент с бронзовым бюстом дважды Героя Социалистического Труда Александра Васильевича Гиталова.

Я подошел к нему поближе. Он был еще окутан брезентовым полотнищем, но и под ним угадывались характерные приметы знакомого облика: высокий глыбистый лоб с несколько выдающимися вперед надбровными дугами, широкий массивный подбородок, могучий разворот плеч... Угадывался даже характер героя — деятельный, упрямый, сильный, целеустремленный...

«Да... Такого человека, как Гиталов, не спрячешь ни под какими покрывалами!» — подумал я.

И вдруг мне припомнился недавний разговор с группой колхозниц, сидевших под сенью бездействующего скирдоформителя и дожидавшихся, пока его наладят. Когда я спросил, как им живется, колхозницы ответили, что ничего, «жывэм нэ горюем, хлиба нэ купуем». Конечно, говорили они, и здесь — нечего долю гневить! — жить можно, «и нэ погано». Главное же то, что жизнь с каждым годом улучшается.

— А ось пидождить до осени,— сказала, поблескивая глазами, одна из колхозниц, молодая красивая женщина с чуть подведенными бровями, — як тильки знимэм фату с Гиталова, знаете, як тоди зажывэм?..

Признаться, в тот знойный полдень, когда я беседовал с колхозницами, в этих словах красивой молодки мне почудилась довольно злая ирония. Теперь же, разглядывая «покрытого фатою» Гиталова, я подумал, что никакой иронии здесь, в сущности, не было, а если и была, то отнюдь не злая, а именно беззлобная, свидетельствующая лишь о том, как популярен и любим Гиталов среди односельчан.

В самом деле, поезжайте в Камышеватое, и вы убедитесь в том, что имя Гиталова здесь буквально у всех на устах. Нет механизации на ферме? Значит, у Гиталова руки до нее не дошли. Не работает скирдоформитель? Ничего, вот Гиталов освободится немного, он доведет его до ума. Хороша в нынешнем году кукуруза? Гиталов постарался. Произошла задержка с уборкой? Гиталов виноват...

Гиталова действительно любят в колхозе. Но это очень суровая, требовательная любовь. Ведь любят-то Гиталова прежде всего за его дела, а дела обязывают ко многому. Вот почему его и превозносят все, как героя, но и дружески критикуют, и поругивают, когда нужно, и могут пошутковать над его «фатой».

Колхозники верят в талант Гиталова, в его энергию, трудолюбие. И, конечно же, во все то, за что он борется все последние годы, не жалея сил,— в комплексную механизацию. Ведь она уже сегодня, сейчас начинает преображать их жизнь!

Зацепившись за эти мысли, я стал думать, что, судя по тому, как преобразилось за последние два года Камышеватое, экономика колхоза начала, по-видимому, крепнуть и что «виновником» этого, несомненно, был и Гиталов.

Потом я пошел в правление и, порывшись в годовых отчетах, поговорив с главным бухгалтером колхоза, с председателем, убедился в том, что так оно в действительности и было...

С Кировоградщины я вернулся в начале августа, но дела мои повернулись так, что до этих записей у меня еще долго не доходили руки. А между тем оттуда, с Украины, от Гиталова, приходили все новые и новые вести. Как-то утром разворачиваю газету; смотрю — сообщение ТАСС о состоявшемся в селе Камышеватом многолюдном митинге по случаю открытия бюста дважды Героя Социалистического Труда А. В. Гиталова. «Вот и сняли «фату» с Гиталова!» — невольно подумалось мне, и я живо представил себе праздничную толпу оживленных, принарядившихся колхозников и колхозниц и среди них — ту самую, озорную, смазливую молодку, которая с таким лукавым юмором полтора месяца назад говорила мне об этой самой «фате».

Вскоре после этого начался съезд Коммунистической партии Украины, на котором выступил и Гиталов. О чем он говорил? Ну, конечно, о комплексной механизации, о том, что несет она колхозам, стране, людям!..

В те дни я узнал, что Александр Васильевич Гиталов избран делегатом на XXII съезд КПСС.

На съезде строителей коммунизма

И вот у меня на столе октябрьские номера «Правды» за 1961 год с отчетами о заседаниях XXII съезда КПСС.

Мне не довелось побывать на съезде, но очень хорошо представляю себе огромный сверкающий зал, и многочисленных делегатов, и царящую здесь торжественную, строгую и в то же время какую-то удивительно непринужденную, деловую атмосферу...

Пытаюсь представить себе во всех подробностях и тот момент, когда председательствующий, слегка наклонясь к микрофону, предоставляет слово моему герою.

...С места поднимается «кремезный», как говорят на Украине, широкоплечий «чоловьяга» лет под пятьдесят, с большими, сильными руками пахаря и высоким сократовским лбом мыслителя. На нем элегантный темный костюм, белоснежная сорочка и серый, аккуратно повязанный галстук. В руках кукурузные початки...

Широким, размеренным шагом

Н. Терещенко (Москва). ВО ИМЯ ЖИЗНИ (плакат-панно).

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

С. Добряков (Сыктывкар). ЖДУТ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

С. Григорьев (Киев). ПЕРВЫЕ СЛОВА.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Гиталов приближается к трибуне. Из-за стола президиума на него тепло, по-отечески смотрит Никита Сергеевич Хрущев.

Да, да, именно по-отечески! Ведь он же знает его, можно сказать, с «пеленок». Помните те давние «крестины» Гиталова, когда Никита Сергеевич при содействии Паши Ангелиной окунул это «дитя» в животворную «купель» соревнования?..

Гиталов поднимается на трибуну, выкладывает початки, сдержанно откашливается, обводит глазами притихший зал и дрогнувшим голосом начинает...

Он говорит о значении съезда, о новой Программе партии. Потом деловито докладывает: в нынешнем году на полях колхоза выращен богатейший урожай всех зерновых культур. Особенно уродилась кукуруза. Она дала до семидесяти пяти центнеров зерна с гектара. И этот высокий урожай на огромной площади был получен без малейших затрат физического труда, исключительно с помощью машин, в связи с чем себестоимость одного центнера зерна удалось довести до сорока двух копеек, а кукурузного силоса — до шести копеек.

Повернувшись к президиуму, Гиталов говорит:

— Это совсем другие данные, Никита Сергеевич, чем у Гарста. Я думаю, что у нас затраты труда на центнер кукурузы будут меньше, чем у него...

И тут начинается интереснейший диалог между сельским механизатором и Первым секретарем ЦК КПСС, диалог между двумя коммунистами, двумя делегатами съезда, диалог, полный дружеского взаимопонимания и обоюдной симпатии.

...Гиталов говорит о проблемах комплексной механизации сельского хозяйства, о задачах сельскохозяйственного машиностроения, о культуре земледелия, говорит страстно, вдохновенно, по-государственному мудро, и весь зал, все делегаты съезда горячо аплодируют ему, этому замечательному сыну украинского народа, который еще совсем недавно был «просто Сашко, а теперь стал почтенным, уважаемым Александром Васильевичем»...

* * *

Я перечитываю написанное и вдруг вспоминаю, что буквально на днях в газетах появилось сообщение о состоявшемся в Киеве республиканском совещании механизаторов, на котором с интересным докладом выступил и Гиталов. Возникает естественное желание написать и об этом. Но пока я собрался это сделать — новое сообщение: Александр Васильевич Гиталов выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

И мне снова приходит на память первое мое заочное знакомство с Гиталовым... Помните?

— Так вы хотите, чтобы я рассказал вам о Гиталове? — Секретарь райкома покачал головой.— О нем рассказать невозможно!

И тут же начал рассказывать...

Вот так же и я. Сколько раз мне приходилось писать о Гиталове! И каждый раз, перечитывая написанное, я говорил себе: «Нет, о нем написать невозможно!» Но проходило время, и я начинал писать о нем снова, вспоминая и то, что было написано прежде.

Эти люди пришли на собрание районной организации Нео Лао Хак Сат.

КХАМ ПУНГ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Дьердь МАТЭ,
венгерский журналист

Фото автора.

В помещении районной организации партии Нео Лао Хак Сат в Сам Неуа шумно и многолюдно. Здесь собрались делегаты сельских женских отделов. Они обсуждают программу женского движения, которое еще только зарождается. На собрании то и дело разгораются горячие, страстные споры.

— Надо хорошенько подумать, прежде чем принять решение,— говорит невысокая молодая женщина с живыми глазами. Ее зовут Нанг Камла. — Программа, которую мы сейчас обсуждаем,— первая.

— Кто может быть членом Нео Лао Хак Сат? — задаю я вопрос.

— Любой человек, достигший шестнадцати лет,— отвечает Нанг Камла,— которого мы хорошо знаем и считаем, что он согласен с нашими целями, разделяет наши принципы.

— А что это за принципы?

— Мы руководствуемся прежде всего интернационализмом и любовью к родине. Участники нашего движения должны работать во имя интересов родины и защиты мира. У нас, женщин, есть и другие цели. Мы ярые противницы многоженства и бытующей еще в Лаосе унизительной купли-продажи женщин. Мы требуем, чтобы мужчина, ставший членом Нео Лао Хак Сат, относился к своей жене как к товарищу. Тому, кто разделяет наши принципы, мы даем письменный устав.

— А если человек не умеет читать?

— Тогда мы сами читаем ему устав. Люди не виноваты, что они неграмотны. Это — наследие колониализма и двадцати лет войны. Участников нашего движения мы убеждаем учиться. По крайней мере научиться читать и писать.

— Каковы задачи участниц вашего движения? — спросил я у другой присутствующей на собрании женщины. Она спустилась сюда с далеких гор. Ее имя певуче и музыкально. Зовут ее Суливонг.

— Наша обязанность — познакомить всех жителей села с целями Нео Лао Хак Сат. Мы начинаем с того, что рассказываем женщинам об истинных причинах нашей бедности. Нелегка сейчас жизнь в Лаосе. Но особенно тяжела участь женщин. Встают они первыми, до рассвета лущат рис, приносят воду из источника, готовят завтрак, потом отправляются на поля, пропалывают, окапывают посевы кукурузы, маниоки, батата. На спине привязан самый младший ребенок, остальные — дома. В Лаосе большинство семей многодетные. Женщины имеют по восемь — десять детей. Однако из-за отсутствия необходимой врачебной помощи, плохого питания более половины детей умирают в раннем возрасте. Те, кто выживает, с десяти лет впрягаются в тяжелые полевые работы. Семья обрабатывает столько земли, сколько может отвоевать у джунглей.

Вечером женщины возвращаются с полей. Они наводят в доме порядок, разжигают огонь, готовят ужин. Снова едят клейкий рис и то, что приносят с охоты мужчины. К этому добавляют побеги бамбука, всякую зелень, лесные плоды. Уложив детей, женщина иногда прядет до глубокой ночи.

— Не подумайте, что это наш народный обычай,— говорит Суливонг.— Такой образ жизни — французское наследие. У нас ничего нет: ни заводов, ни фабрик. Земля дает лишь то, что мы в состоянии вырвать у нее голыми руками.

— А как помогает людям Нео Лао Хак Сат?

— Прежде всего организует взаимопомощь крестьян. У кого пропадет урожай, тому помогают другие. Кто стар, тому помогают в работе местная организация Нео Лао Хак Сат и, если нет военных действий, вооруженные силы Патет Лао. Мы учим крестьян, как пользоваться железным плугом, как получать два-три урожая риса в год.

— А если кто-нибудь не согласен с вашей программой?

— К таким мы идем во второй раз, в третий, в десятый. Пока люди не поймут, что любой ценой надо преодолеть отсталость, что дальше так жить нельзя. Наша программа была составлена, исходя из стремлений и интересов народа. Почему же людям не принять ее?

Молоденькая девушка Кхам Пунг показывает мне большую связку книг.

— Теперь члены нашей женской организации смогут учиться. Для неграмотных я несу букварь на языке лао. Есть здесь и история Лаоса. Правда, старая, со множеством ошибок, но все же и она нужна. Вот учебник политграмоты. Издание не очень старое, но и его уже надо менять. А это география нашей страны, школьные учебники. Когда я вернусь домой, по этим книгам начнут учиться на курсах женщины нашего села.

— Вы понесете из города только книги?

— Нет. Я взяла пять кило соли. Дома соль на исходе. Меня просили еще принести вяленой рыбы. Поблизости от нашей деревушки нет большой реки. Кроме того, я несу домой серпы. У нас мало орудий, а теперь мы снимаем урожай дважды в год.

— Далек ли путь до вашего села?

— Если буду бодро шагать и не встречу на пути ни врагов, ни тигров, дойду за четыре дня. А если дорогой придется сражаться, тогда дней за шесть.

На своих узких, слабых плечах она несет и оружие. Ей надо идти по горам, по долинам, через джунгли, днем и ночью, среди подстерегающих опасностей. Это очень тяжело, но необходимо. Ведь женская организация только еще создается.

Нанг Камла: «Программа, которую мы сейчас обсуждаем.— первая».

Кхам Пунг: «Если не встречу на пути вражеских отрядов и тигров, дойду за четыре дня».

Владимир ФИРСОВ

ПАМЯТЬ

РОДИНА

Нет, ты не сказка,
Нет, родная, нет!
Ты раньше сказок
Родилась на свет...
Сказитель мертв.
Герои сказок спят.
Над ними ветры
Вечные трубят.
Да как трубят!
Безлюден пыльный шлях.
Хлеба горят
В неубранных полях.
А где расплата,
Где ее черед?..
И к белым хатам
Пепел пристает.
О горе!..
От зари и до зари
Бредут
По Украине кобзари,
И бродят
По дорогам той поры
Российские
Слепые гусляры.
Горит земля!
И от родной земли
До срока
Улетают журавли.
Что это — сказка?
Нет, родная, нет!
Ты раньше сказок
Родилась на свет...
И все ж прекрасна
Родины судьба!..
Ты вырастила
Новые хлеба.
И так, как будто
Не было беды,
Раздольно зацвели
Твои сады,
И города твои
Рванулись ввысь!..
А сказки?
Сказки позже родились.

В ПУТИ

Да, я не одинок,
Пока со мною
Мой край родной, Отечество мое...
Идут дожди...
И за моей спиною
Кричит неугомонно воронье.
Идут дожди...
И зябкий ветер злится,—
Он слышит мой неукротимый смех.
Идут дожди...
И медленные листья
Плывут по лужам черенками вверх.
Я полюбил осеннюю тоску...
Вдали машины звякают цепями
Размеренно,
Как будто на току
Молотят хлеб забытыми цепами.
Идут дожди...
Теперь дорогам — крышка.
Расхлябаны вконец.
Но все равно —
Плывет по лужам кинопередвижка,
Везет трехлетней давности кино.
Осенние дороги я кляну!
Но я не пессимист, я полон жизни —
Под сапогами сок брусничный брызнет,
Как только я с обочины сверну...
Я слышу жизнь в движении листа,
В машинном хрипе
И в вороньем крике.
И что тоска!
Моя тоска не та,
К которой мы в Москве давно привыкли.
Там осенью поэты водку пьют
И якобы святую правду рубят,
Крича в стихах
О том, как женщин бьют,
О том, как эти женщины их любят...
Тоска по увядающей природе,
Осенняя тоска
Меня зовет
Туда, где песня вещая живет,
Да как еще живет в моем народе!
Не слышу я, как за моей спиною
Кричит неугомонно воронье,
Ведь я не одинок,
Пока со мною —
Тоска по жизни, ставшая родною,
Мой край родной, Отечество мое!

МОРЕ В ШТОРМ

Вот таким
Я люблю тебя, Черное море!..
А брюнет волосатый в купальном трико
Уверяет блондинку,
Что несложно поспорить
С разъяренной стихией
И заплыть далеко.
Сероглазая спутница
Смотрит влюбленно.
Говорит, что не надо: приближается ночь.
И брюнет волосатый с лицом
Аполлона,
Взяв под локоть ее,
Не спеша удаляется прочь...
Бей, волна за волной!
Пусть ревет разноцветье морское!
Пусть уводят брюнеты
Своих восхищенных подруг!..
Мы с тобой посидим,
Как когда-то над тихой рекою,
Посидим, не разжав
Наших верных доверчивых рук.
Помнишь эту речушку?
Над нею ольха и ракита.
Тишина. Только слышно:
Уключина где-то гремит.
Я тоскую по ней,
По речушке незнаменитой!..
А разбуженный шторм
Монотонно и глухо шумит!
Мне знаком этот шум разъяренной природы,
Не похожий
На шум водопада в горах,—
Так у нас, на Смоленщине,
Сосны шумят в непогоду:
Корабельные сосны тоскуют о дальних морях!

ГОЛУБИ

Ах, московские голуби!
С вами жить веселей,
Вы такие же сизые,
Как в деревне моей.
Каждый день прилетаете
Под окошко ко мне,
Словно вести приносите
О родной стороне.
И я слушаю, голуби,
Как воркуете вы,
Ничего не видавшие,
Кроме улиц Москвы.
Вы не знаете, голуби,
Что отсюда вдали
Есть края зеленеющей
И цветущей земли.
Вы не знаете, голуби
(Откровенно скажу),
Что растет не на улицах
Хлеб, что я вам крошу.
Я жалею вас, голуби,
Хлебом вдоволь кормлю.
Хоть любить вас и не за что,
Я вас все же люблю —
Потому ли, что, кажется,
С вами жить веселей,
Потому ль, что вы сизые,
Как в деревне моей.

ТЫ ВСЯ — ВЕСНА...

Прохладный запах розовой сирени
Уводит в мир, далекий от стихов...
Я прислонюсь к теплу твоих коленей
И не проснусь до первых петухов.
Мир соловью с его страдой весенней,
Мир тишине полей и городов...
Твои колени
Пахнут свежим сеном
И первым медом полевых цветов.
Вот видишь, вновь заговорил стихами,
Не потому, что соловей поет:
Ты вся — весна,
Ты вся — мое дыханье,
Тепло мое, желание мое!..
Вот и рассвет, просторы оглашая,
Зовет меня, приблизившись к мечте,
Писать стихи,
С волненьем посвящая
Твоей высокой русской красоте.

ОТЗОВИСЬ!

Люблю.
От любви сгораю.
Ночами не сплю:
Вдруг потеряю,
Вдруг оброню,
Вдруг разлюблю!
Вот почему
Ночами не сплю...
Ты наклоняешься надо мной,
Ты мне желаешь спокойной ночи,
Не говоришь мне,
Что любишь очень
Всею безмерной любовью земной.
И уплываешь...
Куда, куда?
Гаснет в ладонях твоих звезда.
Ноченька дымная,
Посторонись!
Где ты, любимая?
Отзовись!..
Ищу у реки.
Где ты, где?
И только круги
По темной воде.
Ищу в лесу.
Ау! Ау!
И шишки, как эхо,
Летят в траву...
Где ты, любимая?
Ночь глубока.
Шагаю по тучам
И облакам.
Стою над обрывом,
Плачу навзрыд.
Шагаю по взрывам
Заречных ракит.
Шагаю по крышам
Чужих городов!
Но не вижу, не вижу
Твоих следов.
Я руки, как крылья,
Нацелил в зенит.
И слышу, будильник
Над ухом звенит...
Ты сладко зеваешь,
Целуешь меня.
Уходишь, желая
Счастливого дня...

ПАМЯТЬ

О Родина, смогу ль забыть
Твои нелегкие победы,
Твои немыслимые беды,—
Забыть, как прадеды и деды
Умели драться и любить?

О Родина!
Всегда с тобой
Мне вечно жить и вечно помнить
На Куликовом поле бой
И бой на Бородинском поле.
Мне помнить битвы, и кресты,
И падающие березы,
И родниковой чистоты
Невысыхающие слезы.

Римма ЛИХАЧ,

Надежда СВЕТЛОВА

Это репортаж об одной семье, живущей в городе Днепропетровске.

Лучше всего о ее жизни мог бы рассказать кто-нибудь из членов этой семьи, но Владимир Иванович Моссаковский, заведующий кафедрой аэродинамики Днепропетровского университета, очень занят. А эксплуатировать ученого в минуты отдыха мы не сочли возможным. Не менее занята его жена — Людмила Родионовна, ассистент кафедры математики металлургического института. Мать Людмилы Родионовны, Дора Григорьевна, тоже не изъявила особого желания: у нее по хозяйству дел много.

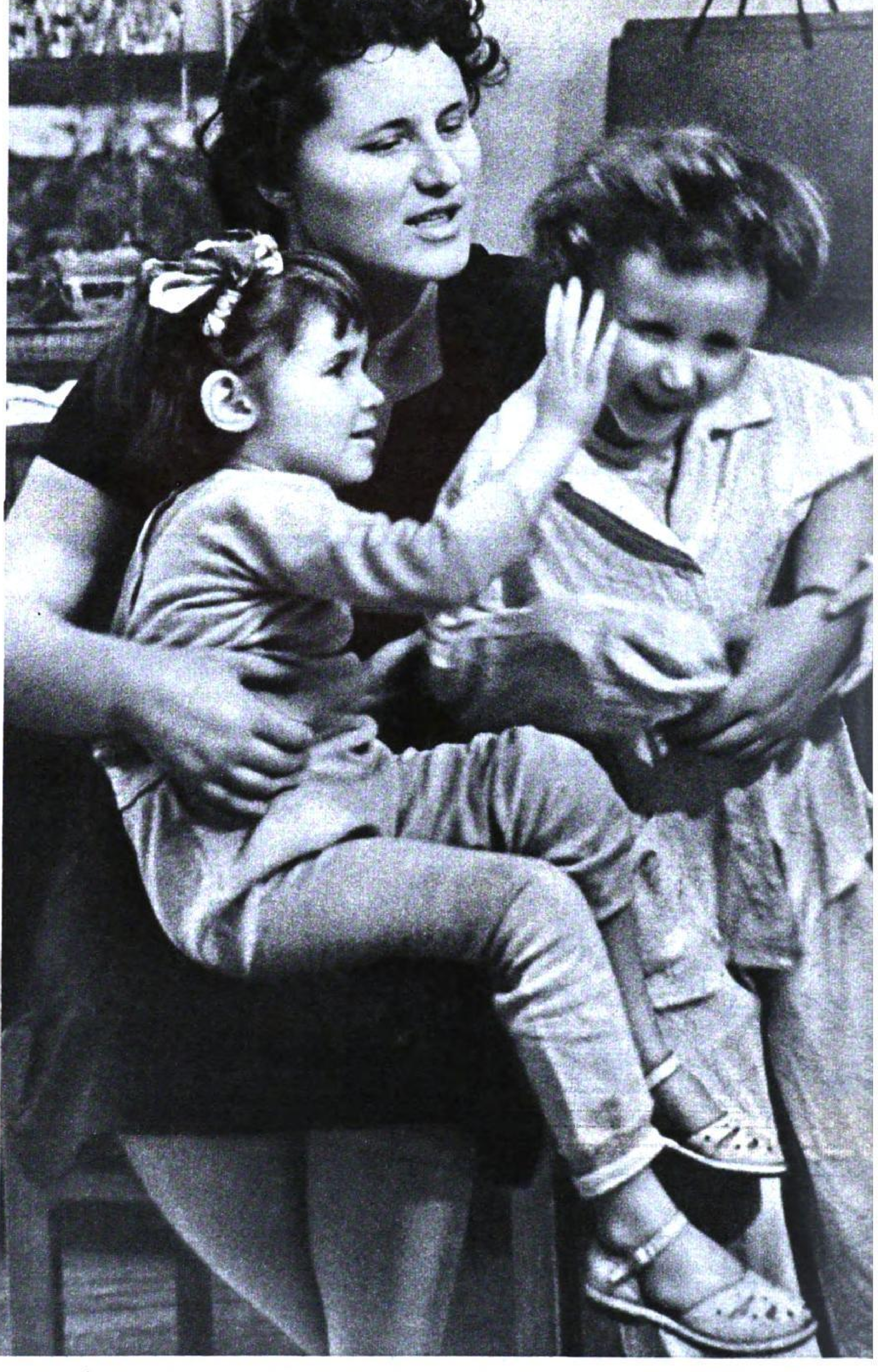
Остались три дочки — три внучки Доры Григорьевны. Но вот беда: старшая, Таня, занята не менее папы с мамой, поскольку она школьница и еще учится музыке, а младшей, Люсе, только три года.

И тогда рассказать о своей семье согласилась средняя дочка, Лена,— золотая середина, а золотая середина всегда выручает.

Смогли ли мы в точности передать рассказ Лены? Нет, наверное, испортили его. Передать всю прелесть детской речи было просто не в наших силах...

Меня зовут Лена, мне шесть лет. Мы живем в городе Днепропетровске, на улице Гоголя. Папа, мама, Люся, Таня и я. Таня ходит в школу, уже в пятый класс. А мы с Люсей — в детский сад. Вечером за нами заходит мама или папа, кто может. Мы привыкли к детскому саду. Но все-таки самый лучший день — суббота: в субботу детей забирают раньше. Нас забирает папа, и мы идем домой медленно, потому что у мамы уборка. А папа не любит, когда мама убирает. Он говорит, что у нас и так чисто.

Мы идем медленно и всегда разговариваем. Люся очень болтливая, а я не очень, потому что я старше ее. Нам с папой надо придумать, что делать завтра. Завтра — это тоже счастливый день. Я знаю: папа обязательно ска-

Мама всегда помирит.

ЭТО ПРО НАС

Папа занят.

Сказка.

Из детского сада домой.

жет: надо спросить у мамы, чем мы ей должны помочь.

У мамы в воскресенье много дел. Надо починить все, что мы успели порвать, купить продукты, приготовить на несколько дней вперед. Мама ведь работает и иногда приходит поздно. Вообще наша мама самая лучшая. Об этом все знают. И папа, и бабушка, и соседка — она в нашем подъезде живет. Как встретит нас, обязательно удивится: «Ах, ах, она ведь работает, учится на кандидата и по дому все успевает!» А мы маме не удивляемся. Мы привыкли.

В воскресенье мы, конечно, помогаем маме. Все идем с ней на рынок и в магазин. Только Таня остается дома делать уроки по музыке. А мы идем с мамой, идем до самого магазина. Но в магазин мама не пускает нас; она говорит, что нам надо дышать воздухом и нечего толкаться в помещении. Поэтому мы с папой отправляемся на бульвар и в книжный магазин — в этом магазине меньше народа и больше воздуха. Папа покупает книги, а мама продукты.

Сегодня папа сказал, что хорошо бы сделать маме подарок, и мы стали выбирать ей книги. Мы — детские с картинками, а папа — взрослые, с цифрами.

Когда мы пришли домой, обед уже был готов. Мама очень обрадовалась: она рада, когда мы все вместе. И книгам, которые мы ей подарили, она очень обрадовалась и сказала, что после обеда обязательно будет нам читать их. И папины книги ей тоже понравились...

Вечером папа говорит маме, что она устала и чтобы она посидела с нами. Папа не хочет, чтоб мама вскакивала все время, мы все не хотим. А мама посидит-посидит с нами и опять вскакивает. Скоро придут гости, и у нее еще есть дела.

Гостей мы очень любим. Мама накрывает на стол, а папа командует, что куда поставить. Потом мама снимает фартук, надевает красивое платье и становится совсем молодой.

А когда гости рассядутся за столом и начинают веселиться, мама идет нас укладывать. Она говорит, что ей интересно дочитать нам наши новые книги, которые мы ей подарили.

Сейчас у нас гостит бабушка. Она приезжает к нам, когда кто-нибудь болеет или так просто. Все ей рады, а папа говорит: «Обрадовались, запрыгали, приехала ваша заступница».

С бабушкой мы лепим вареники. Я даже умею делать колобки, это еще труднее, чем вареники. Вообще мы с Люсей очень хозяйственные. А Таня не очень. Она любит свои учебники и еще любит нас воспитывать. А когда ей скажут, что надо посуду мыть, она кричит: «Лена, Люся, пошли посуду мыть». Мы идем. Мы это любим...

С Люсей я дружу. Она хорошая, только спорщица. Когда мы играем в дочки-матери, Люся всегда папа, а то вдруг захочет быть мамой, потому что она ростом меньше. А это не по-честному. Я кудрявая, значит, я должна быть мамой. И вообще она еще маленькая командовать и распоряжаться.

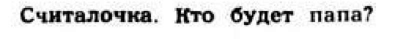
Мама нас одевает, кормит, бан-

Спокойной ночи!

ты завязывает, спать укладывает, мы ей тоже помогаем готовить, стол накрывать, пол подметаем, а в кукольном углу, где все наши игрушки, даже сами моем пол. Мама много с нами возится, а играет мало. Ей некогда. С папой мы больше играем. Он дома не работает. А мама и вечером дома работает: она пишет. Правда, иногда папа задумается, и тогда мама нас уводит из комнаты и говорит, чтоб мы играли тихо. Папа думает: он ищет решение задачи. И мама начинает с нами играть, чтоб мы только папе не мешали найти решение. А когда папа найдет решение, он записывает что-то на клочке бумаги, совсем не так, как Таня. Таня решает задачи аккуратно в тетради. А папа напишет где попало, даже на газете, и веселый становится, как Таня, когда она сделает уроки, и сразу с нами начинает играть.

Папа любит шумные игры, а мама не любит. Она говорит, что вечером надо играть тихо, а то потом мы долго не засыпаем. Но мне кажется, это не потому, что мы плохо засыпаем, просто она вообще не любит шума.

Зато когда мама вечером работает, к нам приходят соседские ребята Гена, Саша, Галя, и мы играем очень шумно. Потом папа говорит, что мама придет усталая, надо ей помочь и убрать квартиру. Но после игр ужасно хочется спать... И приходится нас укладывать. А утром уже все равно все убрано, только мама почему-то всегда узнает, что мы играли в шумные игры.

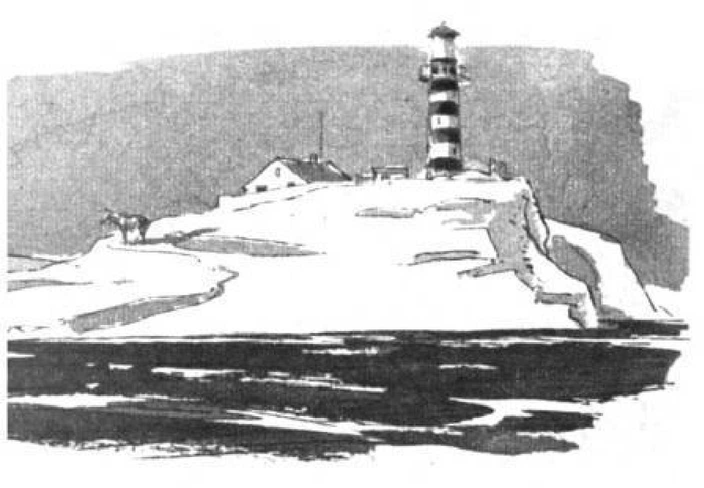
Мы с Люсей хозяйственные.

Считалочка. Кто будет папа?

Таня любит учить нас и воспитывать

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Две секунды света

Рассказ

Михаил КОРШУНОВ

1

Маяк стоит на скале. Внизу, под скалой,— море, а сзади — лиман.

В лимане ходят белые цапли на черных ногах. И маяк тоже, как цапля,— белый с черными полосами.

Цапли живут в лимане, а маяк живет на скале у моря.

Две секунды света, шесть секунд темноты — это режим его работы. И так всю ночь — две секунды света, шесть секунд темноты.

Начальник маяка — Иван Алексеевич Гонтарь.

Каждый вечер он входит в дежурную комнату, где на столе лежит вахтенный журнал, висят таблицы восходов и закатов, громко постукивают большие часы с кодовым диском: они отмеряют секунды света и темноты.

Иван Алексеевич раскрывает вахтенный журнал и делает запись, когда был включен маяк. Потом поворачивает рукоятку, подает напряжение на лампу, и в море летят первые две секунды света.

Рано утром Иван Алексеевич снова приходит в дежурную комнату, поворачивает рукоятку — снимает напряжение с лампы. Отмечает в вахтенном журнале, когда маяк был выключен.

Освещенный солнцем, маяк стоит, белый с черными полосами, а в лимане, освещенные солнцем, стоят цапли с черными ногами.

2

Вся жизнь Ивана Алексеевича прошла на Голубицкой пересыпи, между Азовским морем и лиманом. Прошла на этом маяке.

Прежде, до войны, стоял маяк с керосино-калильной лампой. Возле нее надо было сидеть и чистить иглой, а то могла погаснуть.

Башня была высокой. Ее раскачивало ветром. Сидишь, чистишь лампу, а тебя раскачивает вместе с башней.

В защитную сетку попадали цапли с лимана, слышно, как ударялись. И нельзя было спасти, уберечь.

В долгие ночи дежурств он занимался тем, что чинил сапоги, читал старые лоции или просто сидел и думал о своей жизни. А жизнь как-то не получилась: Мария — жена — ушла от него и забрала дочку, тогда совсем еще маленькую.

Ушла ночью, когда он дежурил с иглой у керосино-калильной лампы. За Марией приехал на грузовике шофер Дмитрий Катков. Работал недалеко — в Темрюке. Приехал и увез ее.

Иван Алексеевич даже и не услышал. И только утром узнал, когда погасил лампу и спустился с маяка.

Долго стоял в тот день на дороге, между морем и лиманом, между маяком и белыми цаплями: все надеялся — Мария вернется.

Но она не вернулась. Прислала письмо, что ей надоели его вечные две секунды света и что она не может из-за них просидеть всю жизнь на Голубицкой пересыпи.

В вахтенном журнале Иван Алексеевич сделал запись: «28 сентября 1939 года. Мария Степановна Гонтарь, заместитель начальника Темрюкского ориентирного маяка, с работы уволилась и уехала совсем».

В вахтенный журнал положено записывать все, что происходит на маяке.

3

Войну Иван Алексеевич провел здесь же, в этих местах. Маяк был погашен, а потом и вовсе разбит бомбами. И все маячное хозяйство погорело и пропало.

Иван Алексеевич пошел служить в пехоту. Участвовал в десанте на Керчь.

Видел крымские маяки. Он их знал по лоциям. Они тоже были разрушены. Теперь на маяках стояли пушки: позиции, удобные для артиллерии.

Был ранен в голову — осколком повредило кость.

Письма ему не приходили: Мария больше не писала.

Он знал, что из Темрюка она с Дмитрием Катковым перебралась в Ростов, а потом и еще дальше — в Свердловск.

Посылал дочери деньги. Сам посылал — Мария не требовала.

Но однажды деньги из Свердловска ему возвратили с пометкой на бланке: адресат выбыл в неизвестном направлении.

Долго он тогда просидел с этим бланком на маяке. Как же так — в неизвестном направлении? Дочь ведь его...

После войны он снова вернулся на Голубицкую пересыпь. Надо было ставить маяк. И он с бригадой строителей поставил его, новый, современный — электрическая лампа, кодовые часы, аккумуляторы, динамка для подзарядки аккумуляторов.

И опять полетели в море две секунды света.

4

Он узнал, что дочь жива. И что все они живы — и Мария и Дмитрий Катков. Поселились в Челябинске.

Иван Алексеевич все пытался представить себе дочь взрослой. Фотографию ему не присылали, а попросить стеснялся.

Помнилась она маленькой: ходила рядом, за палец держалась. Даже на маяк ни разу не поднялась: ступеньки ей были велики.

Иван Алексеевич не ждал от дочери писем, он ждал ее самое. Может быть, ей когда-нибудь захочется приехать сюда, в те места, где родилась.

Теперь она взрослая, самостоятельная.

Однажды около маяка затормозил грузовик. Из кабины выпрыгнула девушка. Водитель подал ей небольшой чемодан. Девушка поблагодарила водителя, и грузовик уехал.

Ее увидела Валентина Федоровна, жена заместителя Ивана Алексеевича.

Пока девушка шла к воротам, Валентина Федоровна окликнула Ивана Алексеевича. Он был у себя дома.

Валентине Федоровне казалось, что именно Иван Алексеевич должен первым встретиться с этой девушкой. Услышать от нее первые слова.

Девушка нерешительно отодвинула створку низеньких ворот и вошла во двор маяка.

Иван Алексеевич остановился на веранде дома. Он смотрел на девушку.

А девушка остановилась на дорожке, подняла голову и смотрела на маяк.

Ей мешало солнце, и она закрылась от солнца ладонью. Худенькая, гибкая, вся какая-то нездешняя. Платье — ситцевый колокольчик, туфли — как мухоморы: красные с белыми точками. В светлых коротких волосах — солнечные искры.

Иван Алексеевич почувствовал, что вдруг впервые за многие годы заныла раненая голова, точно накинули на голову обруч. Сдавили. И от этого не шелохнуться. Он смотрел на девушку, ждал, когда она подойдет, ждал ее первых слов.

Она сказала, что ехала на попутном грузовике от Керченского пролива и увидела маяк. Она студентка. Была на практике на железорудном комбинате недалеко от Керчи, в степи. Сейчас практика закончилась, и она убежала от всех ребят, переправилась на Тамань. Она всю жизнь мечтала пожить где-нибудь здесь на маяке или у рыбаков.

Зовут ее Галя, потом улыбнулась и смущенно добавила: нет, Галка, так правильнее. Она просит разрешить ей остаться. Она заплатит за комнату. Она не будет нарушать порядок. Она...

Иван Алексеевич только сказал:

— Да, да, конечно,— повернулся и пошел в дом: совсем нехорошо сделалось с головой.

Девушка, растерянная, осталась у порога веранды.

К ней поспешила Валентина Федоровна. Взяла из рук чемодан.

— Идемте, я вас устрою. Идемте.

Дома Иван Алексеевич прилег на свою брезентовую раскладушку. Закрыл глаза — так легче для головы. Скорее спадет обруч.

Сегодня Ивану Алексеевичу не нужно на маяк: сегодня дежурит его заместитель Черкашин.

И он пролежал один до темноты.

5

Галя, нет, Галка...

Он увидел ее на следующее утро. Она была в том же ситцевом колокольчике и в тех же мухоморах.

Закрывшись от солнца ладонью, опять смотрела на маяк. В светлых коротких волосах — солнечные искры.

Маяк был давно погашен. Стекла закрыты шторами.

Внизу, под скалой у моря, хлопал поршнями мотор: рыбаки готовили баркас, собирались на ловлю. Скрипели деревянные створки бассейна, в котором хранится питьевая вода: Валентина Федоровна пришла за водой, будет поить Кривушка. Кривушок — это лошадь. Она придана маячному хозяйству.

На ней ездят в станицу Голубицкую за продуктами и в Темрюк на базу за всевозможными частями к аккумуляторным батареям и дизельному движку.

Галка увидела Ивана Алексеевича и несмело сказала:

— Здравствуйте.

Он кивнул ей, улыбнулся.

— Хотите подняться на маяк?

— Да.— Она тоже улыбнулась.— Очень хочу. Я никогда не была на маяке.

— А я всю жизнь прожил,— сказал Иван Алексеевич и подумал, зачем он ей это говорит.

Иван Алексеевич отомкнул двери маяка, пропустил Галку вперед.

Она вошла. Гладкий крашеный пол. На нем ни пятнышка, ни царапины. В углу коврик из камыша. Узкие, шириной в кирпич, окна. Крутая металлическая лестница. Ступеньки покрыты квадратами белого свежего полотна.

Галка хотела стать на коврик, вытереть ноги, но Иван Алексеевич сказал:

— Ничего. Бегите наверх.

И Галка побежала. Она старалась не наступать на полотно, а с краю, где ступеньки были открыты.

Лестница зазвенела под каблуками мухоморов, отчего, казалось, зазвенела и вся башня, пустая и прохладная.

Когда Иван Алексеевич тоже наконец поднялся наверх, Галка смотрела куда-то в щель между шторами.

Иван Алексеевич дернул за канатик и раздвинул шторы.

Сразу к стеклам маяка пришел синий размах моря, пришли километры желтого берега, лиман, солнце, тонкая скорлупа луны, оставшаяся от ночи.

Галка смотрела на все это и не шевелилась.

Иван Алексеевич показал ей маленький домик на берегу и баркас:

— Рыбацкий стан. А вон дорога к Керченскому проливу. А еще подальше тоже домик, видите?

— Да, вижу,— сказала Галка.

— Икорный завод.

— А что это в лодках по лиману везут?

— Траву с покосов. Покосы за лиманом.

— А вообще лиман, он тут почему?

— Недалеко в море впадает Кубань. От нее и лиман.

Вдруг Галка увидела цаплю.

— Аист! — закричала она.

— Нет. Это цапля.

— И вон еще и еще стоят!

— Да их много здесь.

— Цапли,— повторила она.— Я никогда не видела.

Иван Алексеевич сказал:

— Я пойду, а вы можете остаться наверху, на маяке.

— Долго можно?

— Сколько хотите. Ключ отнесете Валентине Федоровне.

Иван Алексеевич спустился с маяка и прошел в дежурную комнату.

Достал вахтенный журнал: следовало сделать запись, что на маяке поселилась Галя, нет, Галка — так правильнее.

6

Она была во всем, как быстрая юность. Она играла с Кривушком, трясла дикие абрикосы жерделы, которые росли поблизости от маяка. Поливала с Валентиной Федоровной огород, познакомилась с рыбаками и водителями — водители ездили мимо по дороге на Темрюк и к переправе на Керчь.

Убегала к лиману, к белым цаплям. Будешь сидеть у лимана тихо — цапли подойдут совсем близко.

Иван Алексеевич видел, как она сидела так тихо.

Плыли лодки, везли траву. Иногда казалось, что по воде просто плывут зеленые стога. Выплескивалась рыба, раскидывала брызги. Качались под ветром тростники.

Галка сидела, обхватив руками колени и положив на них подбородок. Наблюдала за всем этим.

А потом вдруг убегала к морю. По пути отвязывала Кривушка, и он скакал за ней.

Галка любила бродить вдоль прибоя.

Шумели волны, рыжие от вспененных ракушек. На берегу застыли лиловые заборы колючек. Когда прибой утихнет, лиловые заборы поседеют от соли, а на них останутся ракушки. Будут лежать, пока не просохнут и ветер не стряхнет их на землю.

Возле рыбачьего стана торчит из песка большой якорь. К нему рыбаки привязывают баркас. И баркас стоит так, причаленный к якорю.

Скачут кузнечики здесь же, недалеко от воды. Они рыжие, и похоже, что это скачут ракушки.

Похрапывает, идет сзади старый Кривушок.

А потом Галка купалась. Уплывала далеко.

Кривушок ждал ее. Стоял возле платья и трусиков, потихоньку дремал. И нигде никого не было — только Галка в море и Кривушок на берегу.

Но чаще всего Галка приходила на маяк. Снимала туфли и поднималась босиком по свежим квадратам полотна.

Раздвигала шторы, впускала к себе сразу все — и море, и лиман, и желтый берег, и солнце, и тонкую скорлупу луны.

Устраивалась за маленьким деревянным столом и открывала книгу, которую приносила с собой,— старую лоцию. Ее давал Галке Иван Алексеевич. Это — единственное, что сохранилось у него от прежнего, разбитого бомбами маяка.

Галка читала до тех пор, пока не окликала Валентина Федоровна — звала Галку обедать.

Вечером Галка ждала первой вспышки маяка, первых двух секунд света, как они полетят в море.

Захватят крышу дома, верхушки жердел и часть берега до самой воды, где причален к якорю баркас.

Всю ночь баркас будет вспыхивать и гаснуть. Всю ночь будут вспыхивать и гаснуть крыша дома и верхушки жердел.

А в тишине — только стук часов с кодовым диском да редкий ночной крик цапель.

И ты наедине сама с собой. Наедине со своими мыслями и с этой тишиной, в которой вспыхивает и гаснет баркас, как вспыхивают и гаснут мечты и надежды.

Галка ездила с Иваном Алексеевичем на склад за горючим для движка.

Выкатывали из сарая повозку и запрягали Кривушка. Галка сама запрягала, училась.

Кривушок выходил за ворота и поворачивал налево: он знал, куда и зачем ехать. Взяли железную бочку — значит, в Темрюк на склад за горючим.

Обязательно останавливались возле жердел: с повозки можно было достать самые спелые. Галка срывала их и потом ела всю дорогу.

Даже Иван Алексеевич ел — Галка его уговаривала.

В Темрюке они получали горючее и возвращались обратно.

Галка помогала Ивану Алексеевичу и его заместителю Черкашину доливать аккумуляторы, очищать от пыли штормовые стекла и направляющие линзы маяка. Проверять ацетиленовый фонарь. Он стоял как дубляж — на случай отказа электрической установки.

Подметала полы, стирала белые квадраты полотна и развешивала их сушиться на лиловых заборах колючек.

Она была во всем, как быстрая юность.

7

Этот молодой паренек приехал на попутном грузовике со стороны Керченского пролива. Оттуда, откуда приехала и Галка.

Галка была во дворе, набирала из бассейна воду, чтобы напоить Кривушка.

Сразу его увидела.

— Нашел! — закричала она, бросила ведро и побежала пареньку навстречу.

Паренек обнял ее.

— Как же ты нашел? — не успокаивалась Галка.

— А вот.— И паренек показал на водителя, который высунулся из кабины и помахал Галке рукой.— Он сказал еще на переправе, что живет такая, похожая, на маяке. На Темрюкском. А я знал, что ты где-то здесь. Знал. Вот.

— Нашел!..— шептала Галка, прижимаясь к нему.

Паренек тихонько погладил ее по светлым волосам, в которых шевелились солнечные искры.

Брошенное Галкой ведро одиноко валялось посредине двора.

Утром уехало платье — ситцевый колокольчик.

Уехали туфли-мухоморы.

Уехала Галка. Совсем уехала с тем пареньком, который ее здесь нашел.

Промелькнула, как две секунды света.

Иван Алексеевич долго стоял на дороге между морем и лиманом, между маяком и белыми цаплями.

← Звучит музыка — о снежных просторах, лесных далях, о великой красоте природы. Ребята слушают ее вместе с директором интерната Б. Е. Ширвиндтом.

ксандром Ивановичем Каляевым почти каждый день ходили в заповедный лес. После обеда, который готовили дежурные, взапуски бегали на лыжах. Вечерами писали дневники и рисовали акварелью или цветными карандашами.

Вот что записал в своем дневнике Петя Харитошин:

«Нам дали задание — увидеть все красивое и интересное. Вчера во время прогулки мы ничего не увидели, только снежные сугробы. А сегодня утром мы пошли в лес, увидели и отметили крестиками на снегу красивые места.

...Главный лесничий нам понравился, хотя он оказался без бороды, совсем молодой. Он сказал, вет, а дорогу все время пересекают следы... Мы встретили наблюдателей и охотников. Они все в маскировочных костюмах: штаны белые, а сверху обыкновенные телогрейки. Александр Иванович сказал, что таким видят лес зимой звери — в два цвета. А на самом деле красок у него очень много. Осинки светятся зеленым, у сосен кора бывает темно-желтой, а у елок — ярко-коричневой.

...В деревне около заповедника живет один человек — Арсеньев. Он дальний родственник тому Арсеньеву, который ходил по уссурийской тайге с Дерсу Узала. Мы были у него в гостях. В комнате у него необычно. Все он умеет делать сам. На стенах чучела птиц. Стол, кресло, ширма сделаны из веток с сучками. Еловые шишки он склеивает, и получаются медвежата и гномики. Он очень любит лес.

Сказку надо увидеть

Л. ОСИПОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Мы едем в автобусе. Мы — это пятнадцать ребят, воспитательница, два корреспондента, груда лыж и громыхающий на заднем сиденье большой котел с посудой и сухими концентратами. Мы едем за сказкой. Ничего удивительного и невероятного в этом нет. Раньше считалось, что сказки живут за высокими горами, синими долами, в неведомых царствах-государствах и пути к ним заказаны. А теперь даже взрослые, очень трезвые люди знают, что переселилась сказка поближе к людям и встретиться с ней не так уж трудно. Знать знают, но часто ли отправляются на поиски ее?

Надо сознаться, первоначально такой поход в наши планы не входил. Мы, корреспонденты, ездили по утрам в московский интернат № 15. Часами просиживали в художественной мастерской. Здесь пахло красками, древесной стружкой и свежеразмешанной глиной. Здесь на наших глазах рождались изумрудные моря, оранжевые закаты, белопарусные шхуны, шелестящие настоящими парусами, ослепительные спутники из металла, забавные зверюшки из дерева. Мы ходили на репетиции кукольного театра и сидели за кулисами, с любопытством наблюдая оттуда не столько за куклами, сколько за актерами.

В интернате царила атмосфера настоящего творчества. Здесь размышляли, спорили — искали новые пути эстетического воспитания.

Как-то директор интерната Борис Евгеньевич Ширвиндт рассказал нам притчу о Гайдаре:

— Пришел к Гайдару соседский мальчишка и предложил: «Давай сочинять вместе!» «Давай,— согласился Гайдар. — Только как мы будем это делать?» «Очень просто,— ответил мальчишка, — сначала я придумаю одно предложение, потом ты». И он начал: «Однажды вечером вышли мы по дороге из города...» «Хорошо, — сказал Гайдар, — давай руку и пойдем». «Но зачем? — изумился мальчишка. — Ведь мы только сочиняем». «Самую интересную сказку надо увидеть», — сказал Гайдар и повел мальчишку по тихой улице, навстречу загорающимся звездам.

Для тех, кто жадно впитывает все окружающее, — продолжает Борис Евгеньевич, — кто еще не разучился удивляться, преступно ограничивать мир четырьмя стенами. Душевный жар может быстро смениться пустой мечтательностью, интерес — безразличием к окружающему. Только соприкосновение с жизнью и постоянное общение с природой помогут окрепнуть, вырасти зародившемуся у ребят в школьных классах чувству прекрасного.

Так и получилось, что во время каникул мы отправились за сказкой. Старшеклассники интерната с учителем рисования Германом Викторовичем Митрофановым и воспитателем Александром Александровичем Постапец поехали в Карелию. А наш путь лежал в Серпухов, туда, где на берегу Оки расположен большой заповедник.

Добрались мы без всяких приключений, да и за все время нашего житья-бытья в деревне Данки никаких особенных чудес не произошло. Мы их и не ждали. Ведь те сказки, которые можно увидеть воочию, просты, эффектов и нагромождения невероятностей они не терпят. Поэтому, может быть, многие и проходят мимо них.

Ребята вместе с лесничим Але-

что в лесу надо ходить очень тихо и научиться смотреть, а то можно главного не увидеть. От речки мы поднялись на бугор и пошли по просеке. Скоро заметили следы, совсем свежие, и пошли по ним. Это был заяц. Он бежал быстро, потом вдруг вставал на задние лапки — видны были следы только от задних лапок. Наверное, он прислушивался. Александр Иванович, лесничий, сказал нам: давайте и мы прислушаемся.

Сначала не было никаких звуков. Потом снег с ветки упал, дятел застучал. Ветер подул. Внизу все тихо, а макушки зашумели.

Мы пошли дальше по заячьим следам и увидели упавшую осинку, всю обгрызенную. А кругом все утоптано заячьими лапами. Александр Иванович разрешил нам обломать ветку осинки — все равно она упала — и понюхать. Осинка пахла арбузом. Потом мы стали нюхать другие ветки. У черемухи сильный горьковатый запах. Ольха пахнет похоже на фиалку, ива — мы не могли понять как. Зимой в лесу воздух чистый, и поэтому запахи такие сильные, а летом запахов много, они все смешиваются и их трудно разобрать.

...Сегодня мы были в питомнике у зубров. Это очень редкие животные. Они громадные, тяжелые, но когда хотят есть, хрюкают.

На обратном пути мы видели снегирей и сойку. Оказывается, в лесу зимой живут такие птицы, что по окраске похожи на тропических. У снегирей розовая грудка, серые перышки, бывают и голубые полоски. А у зеленого дятла красная головка, ярко-желтая грудка, а спинка зеленая, отливающая синим. Только такого дятла мы не увидели.

...На пути к поселению бобров очень много следов: кабаны, лоси, белки, зайцы. В лесу тихо-тихо, как будто никто здесь не жи-

Завтра мы уезжаем в Москву. Ребята не хотят. Хотя бы еще один день. В лесу очень интересно...»

И вот снова наш автобус. Надо сказать, и нам, взрослым, тоже не хочется расставаться с лесом. Но уже сложены рюкзаки, погружены и котел и лыжи — мы трогаемся.

В автобусе держится неуловимый запах леса. Может быть, потому, что ребята везут с собой еловые шишки и веточки с той самой осины, которая была безжалостно обглодана зайцами.

В первые минуты не смолкают смех и шумные переговоры. Ребята еще разгорячены сборами. Вспоминают последний лыжный набег на деревенские горы, последний обед — «абстрактный». Это слово стало модным у ребят. Употребляют они его по разному поводу, но смысл всегда единый: «абстрактный» обед — это когда в котел бросают что попало и получается неизвестно что...

Дорога длинная. Мелькают леса, и перелески, и разъезды, и деревеньки. На смену шуткам и смеху приходят песни, а потом разговоры, негромкие. О чем?

Может быть, о необычном походе. Вдоволь наглотались ребята лесного воздуха, сломали достаточное количество лыж, но самое главное — они открыли для себя большой новый мир. Здесь, в лесу, они научились быть зоркими следопытами, научились видеть в простом необычное, в обыденном — необыкновенное. А ведь именно так и находят сказку, именно так открывают настоящую поэзию жизни, которая всюду сопутствует нам.

Люся Differ Зазнобина поняла, что на лес можно не только смотреть, но и слушать его. ▶

В поход за сказкой.

Запретная зона

Роман

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Из окон дома, где жил Цымлов, можно было бы охватить взглядом сразу все огни в пойме, если бы не затянуло их теперь зыбкой сеткой дождя.

Галина Алексеевна, миловидная жена Цымлова, в фартуке, испачканном мукой, поставила на стол тарелки с горячим борщом и опять ушла к себе в кухню, где у нее поспевал в духовке пирог. Выглянув вслед за нею в дверь, Федор Иванович крадучись достал из шкафа бутылку и две рюмки.

— По одной,— полушепотом сказал он, наливая себе и Грекову в рюмки водку.

— Если по одной, то можно,— согласился Греков.

— Под дождь.

Они выпили, не чокаясь, чтобы не привлечь внимания хозяйки, и тут же Федор Иванович спрятал все вещественные доказательства опять в шкаф. Глаза у него заблестели, и он, забыв, что в его тарелке остывает борщ, глядя на Грекова через стол широко расставленными глазами, заговорил, совсем не растягивая слова, быстро и твердо:

— Да, подменили парня. А ведь совсем уже стал другим. Никакого сравнения с прежним Молчановым. И, вообще-то говоря, попал-то он сюда не за грош. То есть, конечно, виноват, но попал он, как куренок прямо в суп. А все его вызывающее поведение было от детства, у него и глаза еще детские. Все его выходки от обиды на себя за испорченную по глупости молодую жизнь и за недоверие к тому, что он вовсе не такой, как думают.

Греков поднял от тарелки задумчивые глаза.

— Помню, как льдину с динамитной шашкой понесло под быки и он прыгнул прямо с моста. Успел все-таки...

— Если бы можно было, я бы, Василий Гаврилович, давно уже его на бесконвойное положение перевел. И он бы почувствовал, что ему верят.

— За чем же остановка?

— Вот что говорится в инструкции.— С этажерки, стоявшей в углу, Федор Иванович взял брошюрку в сером переплете и раскрыл ее там, где была закладка. Вот, Василий Гаврилович, от этих слов: «Расконвоированию не подлежат осужденные...» — и дальше.

Греков взял из его рук инструкцию, пробежал глазами строчки, отчеркнутые синим карандашом.

— А если пересуд? — спросил он, положив брошюрку обратно на этажерку.

Цымлов покачал головой.

— В данном случае исключено. У Молчанова же пятнадцать лет с квалификацией: групповой вооруженный грабеж. Я подробно знакомился с его делом. Нож, правда, перочинный, но остается фактом, что он его обнажил, когда решил отнять в тамбуре вагона у этих двух девчушек их сумку. Тут его и прихлопнула опергруппа. Вместе с наводчицей. А третий, и судя по всему, самый крупный, гусь успел спрыгнуть с подножки. И на суде они его прикрыли, взяли все на себя. В сумке было старое платьице, два бутерброда с колбасой и деньгами двести один рубль с копейками. Но ведь зарезать можно и перочинным ножом! Следствие и судебное заседание, Василий Гаврилович, велись при соблюдении всех правовых основ. Как говорится, при тщательном рассмотрении всех обстоятельств дела никаких отклонений от уголовно-процессуальных норм не обнаружено и переквалификация состава преступления невозможна.

Обе тарелки на столе оставались нетронутыми, борщ остывал.

— Ну, а если суд, руководствуясь дальнейшим поведением осужденного, сочтет возможным снизить ему срок?

— Не больше чем на одну треть.

— Но, может быть, Федор Иванович, больше и не нужно. А ну-ка, давайте посчитаем и все его зачеты и уже отбытый срок.— Греков взглянул на этажерку.

— Я, Василий Гаврилович, уже считал. Все равно не хватает четырех лет.

На этажерке под серой брошюркой лежали конторские счеты. Обычно Цымлов, придя домой, на сон грядущий еще раз пересчитывал на них кубометры намытого за день в плотину песка и уложенного бетона, вынутой экскаваторами и передвинутой бульдозерами земли. Но сейчас счеты понадобились для решения другой задачи. И несмотря на то, что, по словам Федора Ивановича, он уже пытался ее решить, Греков, потянувшись рукой, взял с этажерки счеты и положил палец на косточку с облупившейся краской.

Ему тоже знакомо было могущество этих костей. И хотя профессия Грекова была далека от профессии счетовода, ей тоже всегда сопутствовало это простое и мудрое изобретение человеческого разума. У Грекова дома на гвоздике висели такие же, с обтертыми костяшками счеты, которые он впервые начал возить с собой в портфеле в тридцатом году, когда приходилось ему подсчитывать в станицах и хуторах дворы, десятины и человеческие души, из которых складывались колхозы. И потом, когда он уже работал секретарем райкома, рассказывали ему эти костяшки о засеянных гектарах, о заготовленных центнерах, о трудоднях, и нередко невесело звучала их отрывистая музыка ночью в пустынном помещении райкома. С той поры где только не побывали вместе с ним эти счеты, о чем только не беседовали с ним и в кабинете секретаря райкома и даже в блиндаже на полевом аэродроме, потому что хозяину их пришлось быть на войне и комиссаром авиадивизии и вести счет самолетовылетам! Но о чем бы ни беседовали в разное время с Грековым эти кости, они, в сущности, всегда разговаривали с ним о том, о чем разговаривала в это время и вся страна: о хлебе, о цементе, о металле.

Не долго в комнате длилось молчание, нарушаемое ударами косточек, и потом Греков с явным разочарованием отодвинул их от себя.

— Да, не хватает четырех лет без семи дней. И сделать тут, кажется, действительно ничего нельзя.

— Между прочим,— сказал Цымлов,— приходил ко мне вчера один паренек с бетоновозной эстакады, тоже интересовался Молчановым и даже просил о свидании с ним.

— Кто такой?

— Зверев. Красивый такой, с аккордеоном на плече. Знаете его?

— Немножко. Но какое у него-то дело к Молчанову?

— Говорит, жили по соседству и первые четыре года даже сидели на одной парте. А теперь он вдруг столкнулся со своим другом в зоне. Знаете, о чем он еще меня просил?

— О чем?

— Чтобы Молчанова перевели в центральный район. А там, говорит, я попрошу его к себе на кран. Согласен, говорит, за него и поручиться. Вы, Василий Гаврилович, удивлены?

— Нет, нет, я слушаю,— поспешно сказал Греков.

На самом деле он правда был удивлен. Ему казалось, что он уже хорошо успел узнать за эти три года Вадима Зверева — аккордеониста, чемпиона полулегкого веса в секции бокса и средней руки крановщика.

— В этой просьбе я был вынужден ему отказать.

— Почему?

Федор Иванович развел руками.

— Опять не в моей власти. Вот если бы я мог рассчитывать на вашу помощь...

И он исподлобья взглянул на Грекова крупными, навыкате глазами.

Греков рассмеялся. Не так уж простоват был этот Федор Иванович.

— Так, значит, Василий Гаврилович, можно рассчитывать?

— Можете, Федор Иванович, можете.

— Тогда это будет вдвойне хорошо.

— Почему вдвойне?

— Во-первых, возможно, этот Зверев действительно сумеет на него повлиять, все-таки друзья детства. Во-вторых, мы Молчанова и из поля зрения этого атамана уведем. А сейчас для Молчанова это, пожалуй, самое главное.

Прислушиваясь к шуму дождя за окном, Греков спросил:

— И в самом деле, не сорвет ли нам проран? Еще правда повысится уровень в Дону.

Продолжение. См. «Огонек» № 9.

Эти странички из дневников Володи Расщепляева (6-й класс), Левы Кареева (6-й класс), Володи Симонова и Игоря Сухарева (8-й класс), Наташи Житеневой (6-й класс).

— И повысится. Но за проран я спокоен. Как-никак, с тройным запасом прочности строим. И, признаться, не это меня беспокоит...

— А что?

— Станица Приваловская. Она, как вы знаете, первой окажется под угрозой затопления. Посылал туда Козырева, он говорит, что там теперь идет сплошная гульба. Пьют и казачьи песни поют. То ли с горя, то ли просто нашли причину. У них же там свое виноградное вино.

Греков улыбнулся.

— Выпьют все вино казаки и сдвинутся с места. Туда райком бросает сейчас все свои силы.

— Ох, Василий Гаврилович, много у них там вина! В каждом дворе свой пресс, филиал винцеха. Бочки в погребах стоят. И что-то нет у меня надежды на секретаря райкома Истомина. Какой-то он...

— Какой?

— Замороженный.

— И все-таки человек он, по-моему, умный.

— Тут ведь не один ум нужен. Дерево и

то, когда пересаживают, не просто выдергивают из земли. Вы того казака помните, что сюда во время ледохода приезжал?

— Помню. Красивый старик. Прямо Ермак.

— Теперь он повадился к нам каждое воскресенье ездить.

— Зачем?

— Говорят, у него где-то здесь на стройке работает внучка, но я подозреваю, что приезжает он не столько ради своей внучки, сколько как уполномоченный от таких же, как сам, древних стариков и старух. Станет над прораном вот на том бугре,— Цымлов показал в окно,— и смотрит. А в это воскресенье, когда я поздоровался с ним, придержал меня крючком своего костыля за плечо и спрашивает: «Это что же вы там строите, мост?» «Нет,— отвечаю,— эта штука называется прораном». «А как же,— говорит,— вы по этому прорану будете ездить, если оставляете в нем такие большие дырки?» «А мы, отец, тут ездить не будем. Мы через эти дырки и завалим камнями Дон». «А вода куда денется?» «Воду мы будем собирать перед плотиной в пойме и выпускать сколько нужно». «Стало быть, думаете посадить Дон на паек?» «Не на паек, а чтобы вода зря не пропадала. Лучше ее на поля и в сады пустить». Тогда, Василий Гаврилович, он как ворохнет на меня своими глазищами из-под косматых бровей: «А вот как он развернется и разом смахнет к такой-то матери всю эту вашу ерунду! Это же Дон». Повернулся и ушел.

— Так и сказал? — задумчиво спросил Греков.

— Слово в слово. Грозный старик, настоящий Ермак.

Уже собираясь уезжать, Греков виновато сказал:

— Вы мне, Федор Иванович, не дадите на время одну монету?

Федор Иванович не сразу понял:

— Какую, Василий Гаврилович, монету?

— Вон из того горшка, что у вас на шкафу стоит,— приглаживая ладонью свои коротко остриженные волосы, смущенно пояснил Греков.— Понимаете, имел я неосторожность проговориться об этих монетах Танюшке, и она мне теперь покоя не дает. Мне, Федор Иванович, на каких-нибудь три-четыре дня, ей скоро надоест, и я эту монету в полной сохранности верну, — с испуганным блеском в глазах заверил Греков.

— Можете взять и на три недели,— улыбаясь, сказал Федор Иванович, запуская руку в горшок, вымытый гидромеханизаторами из придонского яра, и извлекая оттуда большую черную монету.— Если она полтысячи лет в сохранности пролежала в этом горшке, то можно быть уверенным, что в ручонках у вашей Танюши с нею ничего не случится. Успеет еще належаться и под стеклом в музее.

Древняя, почерневшая от времени монета заняла почти всю его ладонь. Из-под зеленого налета столетий едва выступал чеканный профиль воина в шлеме.

— Чего только не находят сейчас у нас в районе! — передавая монету Грекову, сказал Федор Иванович.— Как-то взглянул я на свой стол в конторе и даже вздрогнул: лежат на нем хазарских времен пестик от медной ступки, кузнечный молоток черт знает какой давности, казачье стремя, кулацкий обрез и чей-то орден Отечественной войны второй степени.

— Но почему же вы, Федор Иванович, вздрогнули? — глуховато спросил Греков.

— Как вам сказать... Я подумал: лежали они в одном и том же песочке на разной глубине. Вот бы сейчас этот древний кузнец посмотрел, какими мы молоточками забиваем шпунты. Вы только подумайте, в чьих руках эта монета была, а теперь она попадает в руки к вашей Танюше.

— И попросить-то она умеет так, что просто невозможно отказать,— берясь за шляпу, сказал Греков.

В этот момент Галина Алексеевна в фартуке, появляясь из кухни, преградила ему путь.

— Нет, нет, Василий Гаврилович, не пущу,— сказала она, отбирая у него шляпу.— В прошлый раз вы ускользнули самым позорным образом, и теперь я отпущу вас не прежде, чем вы попробуете моего пирога. Да, да, я видела, как проехала ваша машина, и испекла его специально для вас. Из-за вас израсходовала полкило масла. Вы меня ввели в убыток, вы и съедите пирог.

Греков взмолился:

— Галина Алексеевна, в следующий раз я съем два пирога, а теперь мне нужно к десяти часам к Автономову, а к двенадцати уже на пристань.

— Вы уезжаете? — недоверчиво спросила Галина Алексеевна.

— Нет, я встречаю.

— Опять какое-нибудь начальство?

— На этот раз, Галина Алексеевна, я встречаю сына.

И перед этим доводом она отступила. Но шляпу она вернула ему не раньше, чем он принял ее ультиматум:

— В таком случае вы берете пирог домой и съедаете его по случаю приезда сына.

Она знала, за какую потянуть струну. Пришлось Грекову подчиниться. С круглым, завернутым в газету пирогом под мышкой вышел он от Цымловых, покачивая головой и посмеиваясь.

Уже у машины догнал его Федор Иванович.

— Будете, Василий Гаврилович, у Автономова,— сказал он,— замолвите слово и за Коптева.

— За того самого?

— За того самого. Наша бумага о нем уже вторую неделю лежит без ответа.

Дождь перестал. Но и омытые им, сверкающие вверху звезды не могли спорить с огнями, которые чем ближе было к полуночи, тем ярче разгорались внизу под яром.

Из углового окна управления пробивался сквозь малиновую штору свет и окрашивал невытоптанную под окном лебеду, напоминающую, что еще совсем недавно здесь был станичный выгон.

На шторе застыла тень. Когда Греков вошел к Автономову в кабинет, тот сидел, сцепив руки и подперев ими подбородок. Глаза у него были закрыты, китель мерно вздымался и опускался на груди.

Он, несомненно, спал. Какая-то неволя заставляла его единоборствовать с усталостью за столом в этот час, когда давно уже спали все другие. Не только в управлении — по всему поселку не светились окна. И даже батарея телефонов на тумбочке справа от Автономова не подавала признаков жизни.

Но едва Греков успел переступить порог, как Автономов тут же открыл глаза и совершенно свежим голосом, в котором всегда чудилась насмешка, сказал:

— Садись. Ты где это по ночам бродишь? Я тебе и в политотдел звонил. В это время все организованные люди давно спят. Где был?

— У Цымлова,— садясь, ответил Греков.

— Я так и знал. И от него, заряженный какой-нибудь очередной идеей, прямо ко мне на штурм? — уже с нескрываемой насмешкой в голосе спросил Автономов.

— Почти.

— Выкладывай, — миролюбиво согласился Автономов. — Мне все равно дожидаться звонка министра. Нет, сперва расскажи о проране.

Греков рассказал. Обратно на левый берег он от Цымлова поехал не по наплавному мосту через Дон, а через проран и убедился, что Федор Иванович был настроен так уверенно не напрасно. Еще месяц — и можно перекрывать русло Дона.

— Если, конечно, нас не задержит с котлованом Гамзин, — заключил Греков.

Автономов усмехнулся.

— Ну, если ты так уверен в Цымлове, то в Гамзине я тем более. А как же с Приваловской? Ее первую начнет топить.

— Туда бы стоило съездить.

— Вот и съезди, разберись. Ты, говорят, и коллективизировал ее, людям райскую жизнь на песках обещал.

— Этого я, между прочим, не обещал,— закипая раздражением, сказал Греков. Не любил он, когда Автономов начинал разговаривать с ним в этом тоне.

— Ой ли? И если понадобится, без лишних церемоний с местными властями, бери все в свои руки. На Истомина у меня надежды нет.

— Но это уже после засыпки прорана.

— Смотри, чтобы не опоздать. После этого вода начнет нам пятки мочить... Ну, а теперь хочешь, я сам скажу, по какому делу тебя уполномочил сегодня твой Цымлов?

— Он такой же мой, как и твой.

Но Автономов отвел его возражение уверенным жестом:

— Ну нет, вы с ним оба гуманисты. Вот Гамзин — этот больше мой, не отрицаю. И передай Федору Ивановичу, что мне уже известно, какой он замышляет новый человеколюбивый акт.

— От кого, Юрий Александрович, тебе это известно, если не секрет?

— Ты же знаешь, что у меня от тебя секретов не может быть. Ты моя партийная совесть. От кого же, если не от Козырева? Его Цымлов сам присылает ко мне на доклады вместо себя.

— Понятно.

— Но в данном случае я попросил бы тебя, моя совесть, помолчать. У человека, как известно, кроме чувства совести, должно быть и чувство долга. Так вот, мой долг и не позволяет мне обходить закон.

— Ты, Юрий Александрович, помнишь того парня, который прыгнул на льдину и погасил шнур?

— Что-то припоминаю.

— Это был он.

— Кто?

— Молчанов.

Только на секунду колебание отразилось на лице у Автономова и тут же исчезло.

— Это еще ничего не доказывает. Среди них много таких храбрецов. Но сегодня его расконвоируй, а завтра он с такой же отвагой сунет кому-нибудь под лопатку свое перо.

— И все-таки на этот раз твои информаторы, Юрий Александрович, тебя обманули.

Снисходительно улыбаясь, Автономов с уверенностью поспешил опровергнуть слова Грекова своим звучным, хотя и глуховатым, голосом:

— Обманывают только простаков.

— В таком случае их нужно искать где-то поблизости.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что на этот раз мой Цымлов просит тебя совсем о другом.

И Греков рассказал Автономову, о чем его просил Цымлов. Слегка наклонив голову, Автономов продолжал небрежно улыбаться, но Греков видел, как уже порозовели его щеки, улыбка, подергивающая уголки рта, все больше начинает напоминать гримасу, а руки замедленно шарили на столе: передвигали справа налево чугунную пепельницу, откручивали и закручивали ручку на пресс-папье. Больше всего Автономов не любил быть обманутым.

— Козырев свое понесет, — медленно сказал он.— Но из этого еще не следует, что и человеколюбивый проект твоего Федора Ивановича пройдет под аплодисменты.

Греков негромко спросил:

— За что ты, Юрий Александрович, не любишь Цымлова?

— А разве заметно?

— И даже слепому.

— Вот ты и ошибся. Не его я не люблю, а не люблю, когда он начинает ковыряться.

— Это как понять?

— Наше дело — строить, а не забираться в дебри.

— Боишься заблудиться?

— Не нами с тобой это заведено.

— И на этом, так сказать, наша миссия окончена?

Автономов долго не отвечал, нагнувшись над столом. Большая белая рука его лежала на стекле, отражаясь в нем, как в зеркале. И когда, подняв голову, он взглянул на Грекова, тому показалось, что под фамильярной грубостью старается спрятать Автономов что-то другое.

— Вася, девичья твоя душа,— сказал он слегка осевшим голосом,— почему ты не пошел заведовать детскими яслями? Сушил бы теперь пеленки, вместо того чтобы обращать меня здесь в христианскую веру. Иногда скучновато мне бывает с тобой. Ну, давай мне бумагу на этого твоего очередного подопечного. Бумага, конечно, уже при тебе?

Греков повинился:

— На этот раз — нет.

— Странно.— Автономов придвинул к себе на столе большой блокнот и, написав всего одну фразу: «Разрешаю В. Молчанова перевести из правобережного района в центральный», — поставил под ней крупную подпись: «Автономов».

— Как у министра,— пошутил Греков.

Небрежным движением руки подавая ему через стол листок, Автономов взглянул на него суровыми глазами.

— В том-то, может быть, и вся загвоздка, что не я министр.

Вот так и всегда он мог долго противостоять осаде и вдруг распахнуть ворота крепости, когда от него уже не ожидали.

Из приемной, открыв дверь спиной, вошел его помощник, держа по стакану чая в каждой руке. Поставив стаканы на стол, он хотел удалиться. Автономов остановил его:

— Персианов, подожди! Гамзина нашел?

В голубых глазах помощника мелькнуло беспокойство.

— Он уехал.

— Куда?

С еще большим беспокойством помощник взглянул на Грекова.

— Ты же знаешь, что от товарища Грекова у нас секретов нет.

— Он уехал на катере вверх по Дону.

— Это что еще за прогулка при луне?

— Но к утру товарищ Гамзин обязательно будет,— быстро добавил помощник.

— И сейчас же его ко мне на доклад. Первым.

И после того, как за помощником закрылась дверь, Автономов, помешивая ложечкой в стакане чай, искоса взглянул на Грекова.

— А хочешь, я тебе скажу, о ком еще просил тебя Цымлов замолвить слово?

Греков отхлебнул из своего стакана и поставил его на стол: чай был горяч.

— Говори.

— О Коптеве. И на этот раз угадал?

— Угадал.

— Ну вот видишь! — И Автономов засмеялся. Но глаза у него остались холодными. — Авось, дескать, попадешь к Автономову под настроение, и он, не глядя, начертает на бумаге резолюцию.— Автономов отодвинул стакан рукой.— Не начертает! Так и передай Цымлову. И ты тоже меня об этом не проси, ничего из этого не выйдет. Знаешь, почему?

— Не знаю.

— Потому что быть добрым, конечно, приятно, но кто-то должен быть и твердым, иначе всех бы козликов давно уже поели серые волки. Ты дело этого Коптева читал?

— Еще нет.

— А тебе не мешало бы его почитать. Архив рядом.

Он, несомненно, что-то знал и теперь хотел вознаградить себя за только что сделанную уступку.

С испуганным лицом заглянул в комнату помощник.

— На проводе товарищ министр.

Все же Греков успел к пароходу, который в полночь приходил с низовьев Дона. Пустынный станичный берег в пяти километрах ниже плотины никогда прежде не озарялся светом таких мощных фонарей, распространявших далеко вокруг себя серебрящийся свет. И никогда раньше здесь не скатывалось с парохода на берег по сходням сразу столько людей. Услышав гомон, взлаяли на бугре станичные собаки.

Редкие фигуры местных жителей с круглыми плетеными корзинками, опорожненными в городе на базаре, потерялись в толпе командированных из Москвы на стройку инженеров Гидропроекта, экскурсантов, приезжающих посмотреть песчаную плотину со всех концов страны, жен, приехавших сюда к своим мужьям, корреспондентов и разного другого люда.

Стоя у конца сходней, Греков высматривал среди них своего сына... У Грекова не было даже фотографии, по которой он мог бы узнать его, кроме той, когда он был снят еще совсем маленьким, одиннадцать лет назад. Так, пожалуй, можно было бы и не найти его среди множества других пассажиров, сходивших с парохода, если бы Валентина Ивановна, жена Грекова, которая стояла рядом с ним на берегу, не сказала вдруг с мгновенной уверенностью:

— Вот он.

Последним с парохода сходил, держась за канат рукой и беспокойно оглядываясь по сторонам, худенький подросток с рюкзаком и в соломенной шляпе, одетый так, как одеваются пионеры, когда они едут в лагерь. В свободной руке он нес удочки.

Теперь и Греков безошибочно знал, что это его сын. До этой минуты Греков никогда не верил, читая в книгах, что сердце и в самом деле может вдруг распухнуть в груди и подступить к самому горлу. Самое поразительное было, что мальчик оказался точно таким, каким он представлялся Грекову в его мыслях и в сновидениях, после которых всегда долго оставалось ощущение тоски, вины и какой-то тревоги.

— Алеша! — окликнул Греков.

Мальчик с рюкзаком повернул голову в соломенной шляпе с большими полями. Нет, он не бросился к своему отцу с радостным возгласом, не обхватил его шею своими руками. Он подошел к нему и неловко прижался боком, искоса взглядывая большими черными глазами на ту красивую тетю, которая стояла рядом с его отцом и слабо улыбалась.

Если все-таки существует семейное счастье, то Грекову, кажется, было дано узнать, что это такое. После его первого неудачного брака ни одно облачко еще не омрачило его жизни с женой, о которой он мог бы сказать, что она и есть та единственная женщина, что рано или поздно должна была встретиться ему в жизни. Конечно, лучше, если бы это произошло раньше. И, несмотря на то, что ни он у Валентины Ивановны, ни она у него не были самыми первыми, все, что было у них в прошлом, было по молчаливому уговору прочно зарыто обоими где-то позади на пройденной дороге. Лишь иногда, в острые минуты сближения, Греков вдруг тосковал, явственно ощутив на ее плечах вяжущую, солонцеватую горечь других поцелуев. Тут же он торопливо давил бессмысленную ревность и с презрением к себе чувствовал, как она все же ядовитым сорняком прорастает в сердце, кусает его своими зубами.

Знал Греков, что и в самых счастливых семьях не обходится без ссор, и все же, если бы спросили его, он мог бы сказать, что все одиннадцать лет прожил с Валентиной Ивановной без единой ссоры. Автономов, который, откровенно ухаживая за Валентиной Ивановной, угрожал Грекову, что не прочь в нее влюбиться, говорил:

— У твоей жены по меньшей мере два таланта: талант любви к людям и талант смеяться, как девочка.

Смеяться она действительно умела по любой причине и без всякой причины. И обычно тот, кто слышал ее смех, не мог не заразиться ее весельем.

— В конце концов я вынужден буду ее уволить,— жаловался Автономов.— Идет в управлении летучка, сидят серьезные люди, и вдруг из-за какого-нибудь пустяка, из-за неудачного слова уважаемый инженер Гидропроекта начинает хохотать. За нею и вся летучка минут пять смеется. Я сам в эти минуты стараюсь на нее не смотреть.

Валентина Ивановна, которой Греков передавал эти жалобы, отвечала:

— А ты бы спросил у него, как это сегодня Гамзин сказал: «Мы этот вопрос с Юрием Александровичем уже сутрировали». Или как Автономов поднял Козырева с места для доклада о дренажных работах, а у того во рту бутерброд застрял.

За все одиннадцать лет не было еще, кажется, ни одного вечера, чтобы они, оставаясь вдвоем, не сообщали друг другу о том, что накопилось у них за день. Но были у них и расхождения. Особенно в оценке людей.

— Боюсь только, как бы не замордовала она парня,— делился своими опасениями Греков, разговаривая с нею об Игоре Матвееве и Тамаре Черновой.— Он у нее в пальцах, как воск.

— Это только так кажется,— с рассеянным блеском в глазах возражала Валентина Ивановна.— Игорь совсем не такой.

Его удивляло не столько то, что она это говорила, а уверенность ее тона. Он смел думать, что знает и Игоря и Тамару несколько больше. И он с удивлением спрашивал:

— Почему ты это так думаешь? Чтобы быть так уверенной, нужны хоть какие-нибудь факты. Она же относится к нему хуже, чем ко всем остальным.

— Фактов у меня нет,— соглашалась Валентина Ивановна.— Но, понимаешь, это еще не все. Есть еще что-то такое, что, может быть, мы, женщины, чувствуем лучше, чем вы, мужчины. Ты, конечно, не обижаешься?

Нет, разумеется, он не обижался. Ему интересно было послушать ход ее рассуждений.

— По-моему,— говорила она,— доброта и мягкость не всегда равнозначны безволию. Что-то говорит мне, что Игорь еще себя покажет.

— Но все-таки хоть какой-нибудь маленький факт у тебя должен быть,— допытывался Греков.

— Хотя бы, например, тот, что он упорно не желает знать о ней то, что знают все другие.

Странная была у женщин логика. Казалось бы, в том, что Игорь закрывал глаза на отношения Тамары с Гамзиным, и проявлялась больше всего слепота Игоря. Узнав об этом, Греков даже несколько охладел к Игорю. Смолоду — и такая беспринципность. А вдруг Валентина Ивановна склонна усматривать в этом нечто совсем обратное.

Вероятно, тем же, что Автономов называл у Валентины Ивановны талантом любви к людям, объяснялись и ее такие естественные — с первого же дня — взаимоотношения с Алешей, сыном Грекова от первого брака.

И оказалось, напрасно Греков сомневался. Нет, зная Валентину Ивановну, он не вправе был в ней сомневаться. Но Алеша из своего дома приехал в тот дом, где, по словам матери, кроме его отца, жила еще и та женщина, которая отняла у него отца. Не этим ли и объяснялись и те сразу же замеченные Грековым внимательно-настороженные взгляды, которые украдкой бросал на Валентину Ивановну мальчик?

На самом деле не Валентина Ивановна была причиной разрыва Грекова с его первой женой, а та трещина, которая разделила их давно, еще в первый год их совместной жизни, и не сразу превратилась в пропасть лишь благодаря рождению сына. Но какая же оставленная мужем женщина согласится искать причину этого в чем-нибудь другом, а не в том, что на горизонте появилась другая женщина... И странное смешанное чувство испытал Греков, когда приехал Алеша: острой радости от встречи с сыном, который остался в его памяти чернокудрявым двухгодовалым мальчуганом с полубессмысленными глазенками, а теперь оказалось, что он вытянулся выше плеча отца, и какой-то смутной тревоги. Зная свою бывшую жену, не мог не задуматься Греков, почему это она вдруг сменила свой многолетний гнев на милость и позволила Алеше поехать к отцу, о котором она прежде всегда говорила мальчику, что он погиб на фронте.

Тем радостнее было Грекову убеждаться, что все его тревоги были напрасны. Возможно, Алеша и привез с собой из дому то предубеждение к Валентине Ивановне, о котором можно было догадываться по его взглядам, но то ли она упорно не хотела замечать их, то ли действительно не замечала. И Грекова вполне устраивало, как с первого же дня начали складываться у нее отношения с Алешей.

Они не навязывались друг другу, и Валентина Ивановна не стала искать кратчайших путей к его сердцу, а, кажется, все предоставила времени. Самый кратчайший материнский путь к его сердцу был уже давно натоптан, и нелепо было бы думать, что кто-нибудь другой сможет воспользоваться этим путем с тем же успехом. На место, которое было занято в его сердце матерью, никто не имел права посягнуть. Валентина Ивановна и не делала этих попыток. Не искала она и какого-то особого подхода к Алеше.

Просто с первого же дня она стала относиться к нему так же, как всегда относилась к Тане. Никакой разницы. И, по-видимому, это не стоило ей особых усилий. Она была в доме хозяйкой, и поэтому единственное, что требовалось в этом доме от всех,— это чтобы неукоснительно соблюдался раз и навсегда установленный распорядок жизни. Чтобы за столом собирались в положенные часы, а не закусывали на ходу и поодиночке кто когда и не таскали из шкафа вкусные куски, не исключая и Тани. Чтобы каждый, не исключая и Тани, убирал за собой постель и перед сном мыл ноги в эмалированном тазу, который стоял на террасе в углу. И, кроме этих правил, никаких других правил не существовало в доме. Выполнить их Алеше было тем легче, что он давно уже был приучен матерью все делать сам и даже пришивать себе пуговицы и разглаживать брюки.

Однажды услышал Греков из окна, как Валентина Ивановна выговаривала Алеше во дворе:

— А через забор лазить, когда есть калитка, не годится. Ты уже вторые штаны порвал. Мать тебя за это не похвалит.

Грекову показалось, что Алеша обиделся. Опуская голову, он исподлобья взглянул на Валентину Ивановну, и глаза у него сверкнули, как два уголька. И вдруг на лице у него появилась растерянность. С удивлением он еще раз взглянул на Валентину Ивановну, ушел на скамейку в кустах смородины и, поджав по своей привычке ногу, о чем-то надолго задумался. Не о том ли, что эта чужая ему женщина не сказала ему сейчас ничего такого, чего не говорила бы ему в подобных случаях мать? И за что же он должен был на Валентину Ивановну обижаться?..

Ничего большего и не хотел бы Греков. А чего бы еще он мог хотеть? Чтобы Валентина Ивановна заискивала перед его сыном, оставаясь на самом деле к нему равнодушной? Или чтобы она немедленно заявила о своей горячей любви к мальчику, с которым была едва знакома?

И разве плохо, если у его сына будет еще один старший друг, чуткий и внимательный к жизни и к людям. Во всем же остальном правильнее всего положиться на время.

Вот для Алеши и Тани не понадобилось даже большого времени, чтобы растаяла между ними отчужденность. Все произошло само собой, и Греков должен был признаться себе, что и тут его тревоги были напрасны. Вероятно, взрослые сами же и придумывают себе всевозможные страхи об извечной вражде между собою детей, родных только по отцу или только по матери.

Танюша, увидев Алешу впервые, вдруг решительно обвила его шею ручонкой и потом, отступив от него, с радостным удивлением всплеснула ладошками:

— Да у тебя, Алеша, глаза как бархатки!

И они сразу же, без всякой помощи взрослых, заговорили между собой на том языке, который понятен всем детям. Чутьем истинной женщины Таня сразу почувствовала свою ответственность и начала с того, что познакомила Алешу со всем своим хозяйством: и с лохматым щенком, которому еще не успели дать имя, потому что папа только вчера подобрал его, проезжая на машине мимо сквера; и с кошкой, у которой скоро будут котята — она уже и место нашла для них за трубой на чердаке; и со всеми таинственными уголками в саду — а их было действительно очень много; и, наконец, со своими новыми качелями, привязанными к двум старым грушам, добавив при этом, что Алеша может кататься на них сколько угодно, она уже накаталась. В ответ Алеша показал ей все свои удочки с капроновыми лесками и пообещал ей каждый день снабжать свежей рыбой не только кошку, но и ее котят, когда они у нее будут. А щенка, по его мнению, лучше всего было назвать Волчком, потому что уши у него уже почти совсем стоят, масти он темно-серой и вообще, должно быть, его матерью была, если не волчица, то наверняка овчарка. Но вполне возможно, что и настоящая волчица, ничего особенного не было бы в том, если бы этот щенок отбился в степи от своей матери и забрел в поселок. Он ведь еще глупый. А Алеша в этих вещах достаточно разбирается, мать его лучшего друга Женьки Карагодина работает в городе билетершей в зоопарке, и им уже даже надоело ходить туда каждое воскресенье.

После этих слов Таня окончательно прониклась уважением к своему брату. И вообще она стала теперь гордиться на детплощадке тем, что у нее тоже есть брат, который в случае чего не даст ее в обиду.

Через какие-нибудь три дня можно было подумать, что они неразлучно живут вместе всю жизнь. И Греков, взглядывая на них, когда они играли вместе, и тайно радуясь, думал иногда, что не мешало бы и взрослым в своих взаимоотношениях позаимствовать коечто у детей, у которых все, из чего взрослые любят делать драмы, разрешается по простым и, в сущности, мудрым законам.

Единственное расхождение наметилось было у Алеши и Тани из-за древней монеты. Таня еще не успела наиграться ею, и монета еще лежала у нее в углу за шифоньером среди ее самых любимых кукол. А черные глазенки Алеши, едва они увидели монету, так и рассверкались. Еще бы: не какая-нибудь монета, которую каждый мальчишка может посмотреть в любое воскресенье в музее, а монета, вымытая земснарядом из придонского яра на великой стройке!

Со слезами на глазах Алеша заявил однажды во время обеда за столом, что Таня не дает ему к этой монете даже прикоснуться. Опережая вопрос Грекова, Валентина Ивановна спросила у Тани:

— Это правда?

Танюша совсем не умела лгать и, болтая под столом ножонками, чистосердечно заявила:

— И не дам! — И с железной логикой добавила: — Все мальчишки вредные.

Греков постарался отвернуться, пряча улыбку, но лицо Валентины Ивановны осталось сурово-серьезным.

— Алеша для тебя не только мальчишка.

Танюша перестала болтать ногами, и в зеленых глазах у нее зажглось удивление:

— А кто же?

— Он тебе брат.

— Ну, это одно и то же,— уверенно заявила Таня.

— Хорошо, пусть будет одно и то же, если ты не хочешь, чтобы у тебя тоже был брат.

Нет, Таня не хотела лишаться брата. Она и так уже немало натерпелась из-за того, что

некому было за нее заступаться. Раздумывая еще минуту, она поболтала под столом ногами, спрыгнула со стула и, сбегав в угол, принесла оттуда Алеше злополучную монету. Конфликт был улажен.

Вскоре Алеша подружился и с тринадцатилетним сыном Гамзина, голубоглазым и разбитным Вовкой. Алеша привез из города хорошие крючки и лески, а у Гамзиных в углу сада всегда можно было накопать червей, и, после того как они через забор сообщили об этом друг другу, ничто уже не могло воспрепятствовать их дружбе. Тем более, что жили они по соседству. Всего лишь стоило кому-нибудь из них перемахнуть через частокол — и он уже был в гостях у своего товарища. Калитками они, разумеется, пренебрегали.

Мать Вовки Гамзина не очень одобряла, если посторонние появлялись в их саду, унаследованном от старых его хозяев, переселившихся от плотины, и поэтому роль гостеприимного хозяина чаще выполнял Алеша. Вовка Гамзин еще и до приезда Алеши по-соседски наведывался во двор к Грековым тем охотнее, что у них не нужно было прислушиваться к шагам за спиной у кустов смородины или старых, отягощенных плодами яблонь. К его удивлению, в саду Грековых для детей существовал лишь один запрет: ломать ветки.

Заставая Вовку у себя в доме, Греков каждый раз невольно отмечал его поразительное сходство с отцом: тот же ленивый, снисходительный взгляд светло-голубых глаз, те же раздутые, чуть вывернутые ноздри и даже походка гусем, как ходят люди со стоптанными внутрь каблуками. Рядом с ним Алеша выглядел совсем маленьким.

Но вообще-то Греков редко заставал сына и его нового товарища дома. Обычно они с утра уходили с удочками на Дон и возвращались уже в сумерки. К этому времени Греков, пообедав, уже опять садился в машину и уезжал на шлюзы, в порт или же шел на бетоновозную эстакаду. И лишь иногда с гребня плотины он отыскивал взглядом их неподвижные фигурки у воды, среди таких же, как они, завзятых поселковых удильщиков. Он находил своего сына по яркой синей рубашке, а рядом с ним уже нетрудно было разглядеть и его рослого товарища в соломенной шапочке с козырьком, как у жокея. В такие минуты, всматриваясь в синее пятно, Греков ловил себя на том, что его ревниво интересует, о чем мог разговаривать его сын со своим товарищем в эти долгие часы добровольной вахты с удочками на берегу Дона. Разумеется, у них были свои ребячьи разговоры, но обязательно были и еще какие-то другие, в которые они обычно не посвящают взрослых.

Откровенно говоря, не нравилась ему и чем-то беспокоила его эта новая дружба Алеши, но Греков отгонял от себя это чувство, боясь, что распространяет свое отношение к Гамзину на его тринадцатилетнего сына. Детей не должна разделять неприязнь взрослых.

И откуда же было знать Грекову, что Вовка Гамзин, стоя рядом с Алешей на берегу и устав наблюдать за неподвижным поплавком, мог иногда задавать своему новому товарищу и такие вопросы:

— А правда, что эта вторая жена у твоего отца, твоя мачеха,— фронтовая?

Разговоры об этом не были новостью у него дома, и Вовка страшно удивлялся, что Алеша не отвечал ему, упорно наблюдая за своим поплавком так, что на глазах у него выступали слезы.

— Оглох ты, что ли?! — сердился на него Вовка.

Еще больше удивлялся он, когда при этом Алеша вдруг начинал кричать на него срывающимся голосом, подступая к нему с кулаками:

— Вот я тебе оглохну! Вот я тебе сейчас покажу, как своей болтовней распугивать рыбу!

И видя, что дело принимает опасный оборот, Вовка Гамзин прекращал свои расспросы.

Только однажды у Грекова возникла мысль, что, зная свою бывшую жену, он, пожалуй, яснее должен был себе и представлять, какие свои надежды она могла связывать с поездкой Алеши к отцу.

Однажды, когда он и Алеша сидели вдвоем на скамье в глухом, дальнем углу старого казачьего сада, Алеша внезапно бросился к нему на шею, обжигая его своими горячими, бархатными глазами:

— Папочка, родненький, уедем отсюда к маме! Будем опять жить вместе!

Греков растерялся. Что-то, как обручем, сдавило ему горло. Осторожно разомкнув руки сына, он лишь прижал к груди его черно-кудрявую голову и долго молча сидел с ним на скамье. Что Греков мог ему ответить? Да и поймет ли его сын, что бы Греков ему ни сказал...

Детским своим умом он все равно не сможет понять, что между его мамой и его отцом давно уже вырыта пропасть. Если бы Алеша теперь и захотел соединить собой, как мостом, ее берега, ему все равно уже не удалось бы этого сделать. Слишком хрупок был этот мост.

— Не нужно об этом, Алеша, — после молчания сказал Греков.— Тут уже ничего нельзя сделать. Когда ты вырастешь, ты, может быть, все это лучше поймешь. А тебя я никогда не забывал и не забуду.

Раньше, чем обычно, он пришел перед вечером домой. Таня играла на террасе со щенком, Алеша еще не вернулся с удочками с Дона, а Валентина Ивановна о чем-то разговаривала через забор с соседкой, женой Гамзина. Решив не мешать пока их беседе, Греков прошел в свою комнату и сел у открытого окна покурить. Валентина Ивановна стояла у частокола к нему спиной в синем платье со шнуровкой сзади и в белой шляпке из рисовой соломки. Греков так и не сумел бы ответить, почему, после того как они уже прожили столько лет, его все еще могут так волновать и эта шнуровка у нее на платье на спине и круглая тень от шляпки на плече и на шее.

Ему не было видно ее лица, но и без этого по всему, хотя бы даже по тому, как низко наклонила она голову, слушая жену Гамзина, он знал, что ей давно уже в тягость разговор со словоохотливой соседкой. Собственно, говорила одна Гамзина, ни на секунду не умолкая, а Валентина Ивановна стояла молча, взявшись рукой за столбик частокола. Раньше они только издали здоровались через забор, но с того дня, как приехал Алеша и подружился с Вовкой Гамзиным, его мать рассудила, что и у взрослых появились основания для более близкого знакомства. И, завидев Валентину Ивановну во дворе, она уже не упускала случая напомнить ей об этом.

У жены Гамзина был настолько громкий голос, что его было далеко слышно даже тогда, когда она его совсем не напрягала.

— Очень хороший мальчик,— говорила она Валентине Ивановне.

Валентина Ивановна то ли ответила ей что-то, но так тихо, что Греков не мог расслышать, то ли просто кивнула головой. Бронзовый узел волос, выглядывающий у нее из-под шляпки, колыхнулся. И тотчас же жена Гамзина заключила:

— Но похож он не на отца. Я, правда, не знаю матери Алеши, но, во всяком случае, глаза у него хоть и тоже черные, как у отца, но не такого разреза и уши, если вы обратили внимание, совсем другой формы. У Василия Гавриловича просто большие мужские уши, а у мальчика они еще и оттопыренные, как будто его часто дерут за уши. А подбородок...

И дальше она с подробностями стала разбирать, какой у Алеши подбородок, губы и нос. Из ее слов получалось, что если вообще-то Алеша очень красивый мальчик, то подбородок, например, у него совсем безвольный и какой-то женский, в то время как у его отца был твердый, мужской подбородок. И рот у Алеши довольно большой, тоже, как видно, не отцовской породы, а нос так явно, должно быть, материн — широкий и почти вздернутый, в то время как у отца прямой нос с горбинкой. Впервые Греков узнавал из ее слов, что, оказывается, он красивый, видный мужчина, настоящий казачий тип. Таким мужем Валентина Ивановна определенно может гордиться. Его же сын, получалось, унаследовал в основном только черты матери, хотя жена Гамзина и не видела никогда матери Алеши. Она так и говорила Валентине Ивановне:

— Конечно, я ее не видела, но, поверьте, что у меня есть интуиция. У его матери, должно быть, такой же бесформенный подбородок и нос, похожий, извините меня, на картошку.

Вероятно, она думала, что делает этим Валентине Ивановне приятное. Ведь в освещении Гамзиной прежняя жена Грекова выглядела совсем неприглядно, и Валентина Ивановна, несомненно, должна это соответствующим образом оценить. Иначе она бесчувственная, неблагодарная женщина.

Но, быть может, самое нелепое заключалось в том, что своей так называемой интуицией жена Гамзина почти угадывала правду. Алеша действительно был больше похож на мать, и только, пожалуй, одни глаза он мог унаследовать от отца, хотя такого же ярко-черного цвета глаза были и у его деда по материнской линии. Нет, у деда было совсем не такое выражение глаз, у Алеши в глазах был совсем удивительный блеск, особенно когда они смеялись или же появлялся в них вопрос. С этим вопросом в глазах он и взглядывал иногда на Валентину Ивановну. Во всем же остальном жена Гамзина почти не ошиблась. И перед Грековым из ее слов с неприятной отчетливостью представало лицо его первой жены, память о которой давно уже затянуло тиной времени.

Но какое было дело до всего этого Валентине Ивановне и почему жена Гамзина заставляет теперь ее разбирать вместе с нею, какая могла быть внешность у этой женщины, какие у нее были глаза, нос, губы и подбородок? Что за причина толкает людей заглядывать за чужой забор, да еще и ворошить палкой лохмотья чужого прошлого?

Конечно, все это были пустяки, и жена Гамзина просто не знает Валентину Ивановну, думая, что у нее недостанет ума взглянуть на все это с насмешкой. И все же Греков, подозвав Танюшу, попросил ее передать матери, что он уже пришел.

Через минуту на террасе послышались быстрые шаги, и Валентина Ивановна появилась в двери, говоря своим звучным, грудным голосом:

— Ты сегодня, Вася, совсем рано. Вот это чудо!

Ее глаза, как обычно, смотрели на него со спокойной живостью. Только будто кто-то подсинил их под круглыми полями шляпы, как всегда, когда она надевала это свое платье.

Продолжение следует.

Понедельник — вторник

З. ХИРЕН

Мне заранее известно, что во вторник на пятом этаже большого нового каменного дома в Сокольниках я не встречу ни унылых, ни раздражительных, ни вспыльчивых, ни нервных посетителей, которые лишь вчера сидели здесь за маленькими столиками у окон в длинном коридоре в ожидании своей очереди. Сейчас тут другие люди. Они крепко пожимают друг другу руки, иногда даже обнимаются и целуются.

Дело в том, что по понедельникам партийная комиссия, работающая на общественных началах, разбирает персональные дела, а по вторникам знакомится со вступающими в члены и кандидаты КПСС. Сегодня этажом завладела молодежь. В среду всех пригласят на бюро райкома, но уже сейчас причин для поздравлений достаточно.

Председатель комиссии Александр Сергеевич Ястребов, в прошлом крупный партийный работник, пожилой человек, с интересом слушает девушек и парней, рассказывающих у длинного стола свои биографии.

Запоминаются их лица, открытые взоры, та особенная робость и неловкость, что дороже иной смелости. Ведь у каждого коммуниста был в жизни один такой, совершенно особенный, совершенно неповторимый вторник.

А по понедельникам приходится распутывать тугие узлы, называемые персональными делами. За длинным столом сидят те же члены комиссии. Велик и благороден труд этих коммунистов, отдающих все свое время партии.

Понедельник — вторник, огорчения — улыбки. Впрочем, иногда и в понедельник в коридоре на пятом этаже можно встретить не только угрюмых людей. Не раз я был свидетелем того, как признавались ошибочными строгие взыскания первичных организаций. Месяцами длится большая и напряженная работа. Старая гвардия не спит, не жалеет ни сил, ни времени, пока не добьется правды. И когда ободренные ею люди выходят из зала заседания, конечно, с их лиц исчезают глубокие морщины, и горю, что так долго их мучало, приходит конец.

Вторник коммунистки Чупыгиной

Однажды Александр Сергеевич Ястребов выразил сожаление по поводу того, что я не присутствовал на заседании, где разбиралось дело коммунистки Надежды Васильевны Чупыгиной. Он сказал, что может познакомить меня с ней, и вручил тоненькую серенькую папку «Персональное дело члена КПСС Чупыгиной».

И вот сижу в одной из тихих комнат райкома партии и читаю, как говорится, от корки до корки бумаги, заключенные в папке. Первым долгом три объяснительных записки трех секретарей одной партийной организации. И все трое, не сговариваясь, в своих объяснениях упоминают один и тот же несгораемый шкаф, в котором хранился из года в год партийный билет № 04841895, принадлежащий работнице Надежде Васильевне Чупыгиной.

Мы уже сказали, что в жизни каждого коммуниста бывает один день — свой вторник. Забегая немного вперед и отвлекаясь от врученной мне папки с бумагами, расскажу подробнее о Надежде Васильевне Чупыгиной. Ее вторник отличался от вторников молодых девушек и парней, с которыми мы в эти дни познакомились на пятом этаже Куйбышевского райкома КПСС города Москвы.

Это было тридцать с лишним лет назад. В красном уголке вагонного депо шло открытое партийное собрание. Председательствующий объявил:

— Сегодня проводим в партию Чупрыгину.

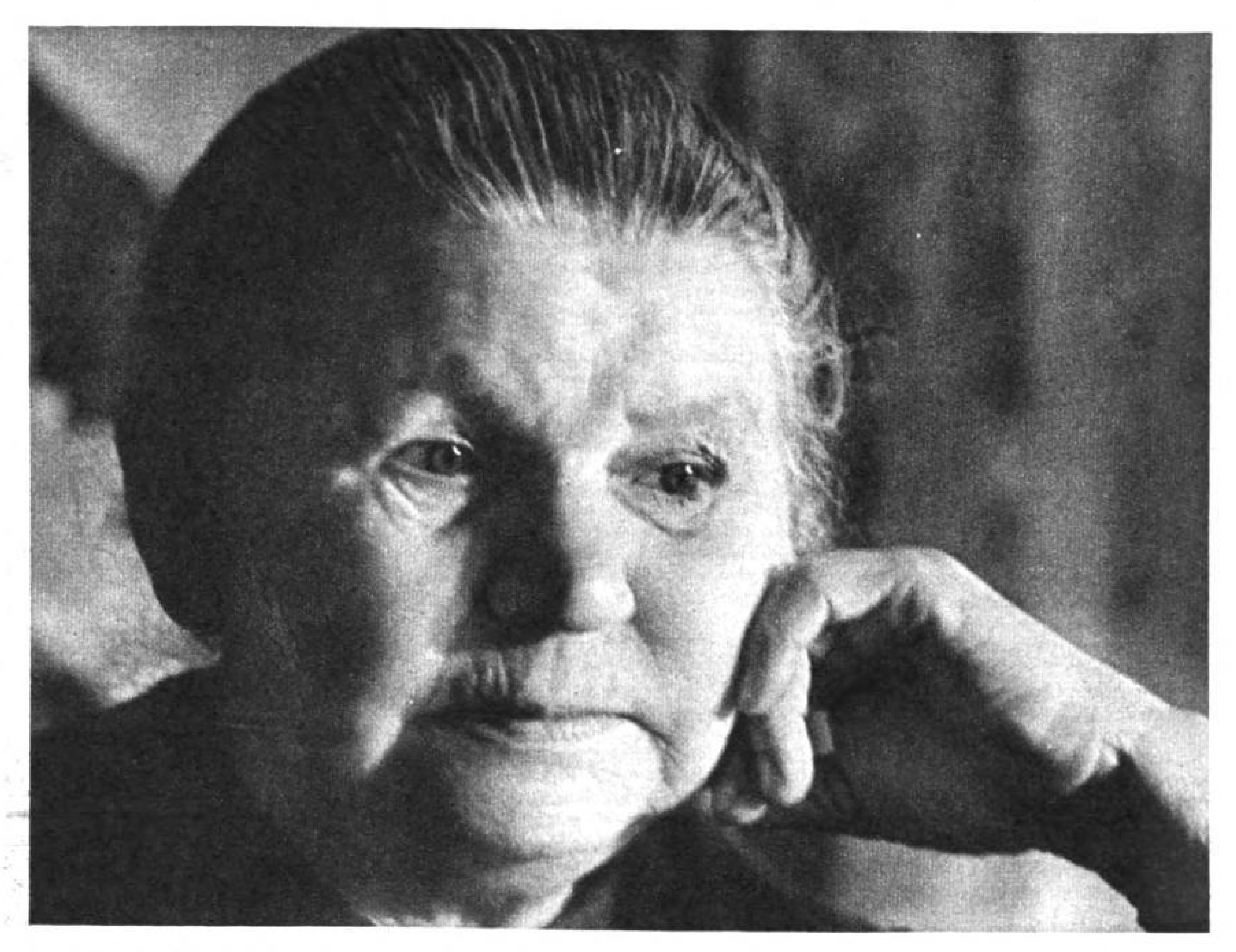
Раздались дружные аплодисменты. На собрании присутствовало человек триста, и ни звонки, ни призывы не помогали. Когда наконец все же удалось немного успокоить зал, председательствующий сказал:

— Товарищи, тут, видимо, произошло недоразумение. Я объявил, что мы принимаем в партию не Чупыгину Надежду Васильевну, а Чупрыгину Женю, нашу молодую проводницу. А вы вот одной буквы не расслышали да и ударили в колокола.

Председатель, старый железнодорожник, не ошибся. Народ действительно не расслышал и спутал фамилию молоденькой работницы с фамилией всем известной и всеми уважаемой Надежды Васильевны. Дело тут не в том, что молодую не уважали, плохо к ней относились. Зачем же? Все были рады, что она вступает в партию, но просто к Чупыгиной было особое отношение. Она много лет проработала в депо, была проводницей, уборщицей, бригадиром уборщиц, ездила в самые дальние рейсы... И все-таки главное было в другом. Очень она полюбилась тем, что чужое горе чуяла за версту, не просто чуяла, а всем спешила на выручку и никогда себя не жалела, а молодым девушкам, только поступившим на работу, была больше чем матерью. Посвящали ее во все секреты, и не потому, что надо было с кем-то поделиться, а потому, что знали: Чупыгина всегда поможет. Была она еще известна смелостью, принципиальностью. И вот на этом собрании всем послышалось, что именно она вступает в партию. Это было так естественно и так понятно, что, конечно, все обрадовались. Присутствовала на том собрании и сама Чупыгина, место выбрала далеко от президиума, но аплодировала не меньше других, и, пожалуй, она-то единственная знала, что аплодирует молодой работнице Жене Чупрыгиной. Но после замечания председателя о недоразумении, о «лишней букве в фамилии», как он выразился, Надежда Васильевна сочла долгом взять слово. И, может, не очень складно получилось, но сказала, что думала.

— Спасибо вам, — сказала она, — дорогие мои подружки и товарищи. Не знала я, что вы желаете, чтобы я была в партии. Это ведь и мое заветное желание.

И тут последовали еще более дружные и громкие аплодисменты. Так приблизительно выглядел вторник Надежды Васильевны Чупыгиной. Далее все пошло обычным порядком, по Уставу

Надежда Васильевна Чупыгина.
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

партии. Взяла анкету, написала заявление, товарищи дали ей рекомендации.

Нельзя, однако, сказать, что жизнь этой женщины сложилась легко. Рано овдовела, осталась с трехлетним мальчуганом. Ездила в те времена проводником в поезде Москва — Владивосток. С собой ребенка не возьмешь, пришлось отдать его в Марфино, бабушке. Вернется из рейса Надежда Васильевна — и сразу же в деревню, к сыну. Подойдет к избушке, глянет в окно, а там дети играют, смеются. Ее же сынок сидит одиниодинешенек. «Сирота, он и есть сирота»,— подумает про себя Надежда Васильевна, постоит у окна, пока не выплачет всех слез, и уж затем с сухими глазами переступит порог избы. Обнимет сыночка, обласкает, посмотрит, все ли пуговицы на месте, гостинцы отдаст, искупает, спать с собой уложит. Словом, сделает все, что делает каждая хорошая мать. А там пролетит короткий отдых после рейса, и вновь в дорогу: Москва — Владивосток. Стели постели пассажирам, подавай им чаек, убирай, производи посадку, беги за углем... Сын тем временем вырос, поступил в сельскую школу, окончил ее, и нужно было подумать, куда определить его дальше. Хотелось, чтобы учился, но для этого надо его перевозить в Москву, а там никого у нее не было. Пошла к начальству, объяснила свои обстоятельства, люди поняли, помогли, перевели Чупыгину на новую работу — бригадиром уборщиц. Теперь Надежда Васильевна летом встречала запыленные вагоны, зимой заиндевевшие, а в рейс провожала поезда чистыми, как стеклышко. Тут-то еще больше укрепилась ее дружба с работницами. Всегда на народе, одной тосковать не приходилось, дома переночует, и опять в депо, опять к девчатам.

Так вот и жила Надежда Васильевна Чупыгина, такой вот и пришла в партию. А пришла в партию,— обязанностей прибавилось.

Любила она своих девчат, и они платили ей тем же. И вот пенсионный возраст разлучил ее с бригадой. Ушла на пенсию, но все настояли, чтоб в партийной организации у них оставалась. Осталась, посещала собрания, по-прежнему добросовестно выполняла партийные поручения. Жила в Бабушкине, по Северной железной дороге, а партийная организация их депо почти рядом, на этой же магистрали, ездила туда электричкой.

И вдруг Чупыгина исчезла. Вскоре стало известно, что попала в больницу.

Посреди жаркого июньского дня загорелся дом, в котором она жила, огонь быстро распространялся, и воспользоваться лестницей уже не было возможности. А на улице внучки гуляют. С ужасом подумала: вдруг девочки кинутся в горящий дом? Как же предупредить их? Надежда Васильевна заметалась по дому. Выхода не было, и бросилась со второго этажа, потеряла сознание, в больницу доставили с ожогами всех трех степеней.

Узнав обо всем, товарищи стали регулярно навещать больную, приносить варенье, фрукты... Все сгорело у Чупыгиной, и друзья позаботились, принесли узел с бельем, халатик, платье. Надежда Васильевна была в очень тяжелом состоянии. Тело в пузырях. Невыносимую боль причиняла смена перевязок. Начнут развязывать — кровь хлынет. Вместо кожи пузыри да тонкая, как папиросная бумажка, пленка. Иногда наступало облегчение, и тогда спрашивала она у подруг о новостях в родном депо. То были счастливые минуты. Надежда Васильевна как бы вновь оказывалась в гуще событий, ее посвящали во все дела, как и прежде, советовались с ней. И хоть тяжкие боли переносила она, а голова была ясная и мысли хорошие, а иногда даже дерзкие. Проснется иной раз и подумает: что ж, что я старенькая, а могла бы ведь еще поработать в депо. И тут решала: выпишусь из больницы, поступлю, обязательно поступлю... И может быть, эти-то раздумья да встречи со старыми подружками и помогли перебороть страдания, причиненные ожогами, и поправиться быстрее предусмотренного врачами времени. И вот пришел день, вернее, она сама настояла,— и ее выписали из больницы. Сын еще до этого принес ей обгоревший кусочек красной книжечки. Это все, что осталось после пожара от ее партийного билета. Сын тоже коммунист, он успокоил ее, сказал, что волноваться нечего, обменяют. Нужно только запастись тремя фотокарточками. И вот жизнь после пожара началась с этих фотокарточек. От дома осталось пепелище, вещей нет, забот полон рот, а Надежда Васильевна пошла фотографироваться. И ничего-то особенного в том не было, считала, что первым долгом надо привести в порядок «партийное хозяйство».

Забегая вперед, скажу, что не рассчитала свои силы Надежда Васильевна. Знакомясь с ее делом, я узнал, что никому не пожелала она передоверить обгоревшую красную книжечку и фотокарточки. Сама отправилась на станцию Москва-3, в парторганизацию депо. Работая над этим материалом, поехал и я в одно морозное утро туда. Поднимаясь по крутым лестницам высокого виадука, все время старался представить себе, как поднималась по этим обледеневшим ступенькам после больницы Надежда Васильевна. Тогда ведь еще и не все перевязки сняли. Каждый шаг — боль, невыносимая боль. Поднялась, опустилась затем вниз, блуждала среди непрерывно движущихся составов по шпалам.

Трое из... несгораемого шкафа

Секретарь партийной организации Чернов, добрейшей души человек, спрятав обгоревший партийный билет в сейф, больше его оттуда не доставал. Платил партвзносы за Чупыгину и делал отметку в ведомостях. Поступал же он так и из-за доброты душевной и ради собственного спокойствия. Не отметишь в ведомостях — спросят в райкоме. Потом избрали нового секретаря, Депутатова, человека помоложе. Принимая дела, он все же спросил, чей это обгоревший партбилет в сейфе хранится, и ему Чернов ответил:

— Пенсионерки одной.

Время шло. Избрали нового секретаря — Кручинина. Этот тоже спросил, и Депутатов ответил:

— Это одной неизвестной пенсионерки. По адресу, указанному в учетной карточке, не числится. Где же числиться, когда дом сгорел!

И тут-то вмешалась в дело знакомая уже нам комиссия.

В один из понедельников всех трех секретарей призвали на пятый этаж к ответу. И хоть в объяснениях было все написано «как следует», а пришлось и краснеть, и оправдываться, и, наконец, признаться: виноваты в том, что человека отрезали, как ломоть, забыли о человеке, потеряли его.

Здесь следует заметить, что партийная комиссия сама решений не принимает, а вносит рекомендации на бюро райкома. В случае с Чупыгиной комиссия предлагала привлечь к ответственности трех секретарей первичной партийной организации за бездушное отношение к коммунистке. Бюро поддержало, а секретарь райкома Александр Иванович Макаров справедливо, со всей резкостью сказал о виновниках.

Впрочем, Кручинин, нынешний секретарь партийной организации, разыскал ведь еще до заседания адрес Чупыгиной. И направил к ней молодого коммуниста.

— Как живете? — спросил он у нее.— Вот вам трешка...

— А это зачем? — насторожилась Чупыгина.

— Ну, на гостинцы, то да се,— не растерялся гость.

— Не нужны мне гостинцы,— рассердилась Чупыгина.— Себе возьмите.

Вернулся «посол», рассказал секретарю, и решили послать других. Один даже стал упрекать ее, что сама-де она спаслась, а партбилет не уберегла.

— Каждый свой хвостик облизывает, самое легкое дело — вытолкать человека,— вспылила Чупыгина.

Мало-мальски чуткий человек догадался бы, что переживает забытая всеми Чупыгина, а эти только рану разбередили, ухватились за слова Чупыгиной и послали представителя, чтоб заполучил письменное согласие о выходе из партии за неуплату взносов.

Партийное бюро постановило Чупыгину считать выбывшей. Вынесли на обсуждение партийного собрания депо. И тут повторилось то, что произошло тридцать с лишним лет назад, когда Чупыгину в этом же красном уголке принимали в партию. Но тогда аплодировали, а сейчас... сейчас со всех концов зала слышалось:

— Неправильно. Так не поступают со старой честной коммунисткой.

Партийное собрание избрало группу товарищей, работавших прежде с Надеждой Васильевной, они поехали к ней домой. Мне об этой встрече рассказывали. Там были и слезы и объятия. В поседевших женщинах Чупыгина узнала девчонок, начинавших свой трудовой путь в ее бригаде.

Надюша

Было уже поздно, когда я позвонил Надежде Васильевне по телефону. На другой день отправился к Надежде Васильевне домой. И вот сидим у нее. Небольшого роста полная старушка с живыми серыми и очень любопытными глазами говорит, а сама все на шахматные часы поглядывает.

— Откуда шахматные?

— С бору по сосенке все после пожара приносили...

— А что это вы, Надежда Васильевна, все на часы поглядываете? — спрашиваю.

— Старуху кормить пора, скоро двенадцать,— отвечает она.

— Какую, — спрашиваю,— старуху?

— А Веру Антоновну, она парализованная. Дочь ее утром уходит на работу, зять тоже, старушка одна остается, надо же комунибудь приглядывать за ней...

— А кто она вам, эта старуха, родня, что ли?

Надежда Васильевна глядит на меня с удивлением:

— Какая там родня! Просто присматриваю, некому ведь.

И тут сразу вспоминаю: не может Чупыгина без «нагрузки». Оказывается, как только сын получил квартиру, присмотрела в доме таких вот несколько старух и, как говорится, на общественных началах стала ухаживать. Ни Чернов, ни Депутатов, ни Кручинин поручений ей все это время не давали, пришлось самой искать посильную работенку.

Нет, никому она все эти годы не жаловалась, никуда не писала заявлений, просто решила: товарищи от нее отошли, все-таки не молоденькая, три четверти века прожила...

Через несколько дней я был на станции Москва-3: хотелось познакомиться с теми, кто вернул ее в партию. Старые работницы, как только зашел разговор о ней, вспомнили, что и столовую и котельную строили при ее участии.

— Это ведь нас все Надюша на субботники скликала!

А вот пройдут годы, подумалось мне, и в доме, где сейчас живет Чупыгина, тоже будут о ней вспоминать такими же добрыми словами.

Повстречал я и Чернова. Теперь он заведующий кадрами. Разговорились, в сердцах признался: сам к пенсионному возрасту приближается.

— Как услышу: костями стучат,— мороз по коже...

— Какими костями? — не понял я.

И Чернов объяснил:

— В Сокольниках в парке столики есть, где целыми днями пенсионеры в «козла» дуются... Неужели, мол, и меня подобное ждет?

«А чем лучше ваш сейф, куда вы заперли живую душу коммунистки?..» — хотелось спросить у него.

Но не стал я ничего говорить, понял, что Чернову теперь известно: старость никого не минует, и не так с ней надо поступать, как он и его соратники поступили с Надюшей.

И вновь мысленно перенесся на пятый этаж, куда по вторникам приходят свежие силы партии. Замечательные молодые люди, но разве не радостно увидеть среди них и Надюшу. Да, иначе Чупыгину никто на Москве-3 не называет. Нет, таких, как она, «стук костей» не волнует, не волнует он и тех, кто сидит за длинным столом на пятом этаже.

Позвонил вновь Чупыгиной и спросил, как живет.

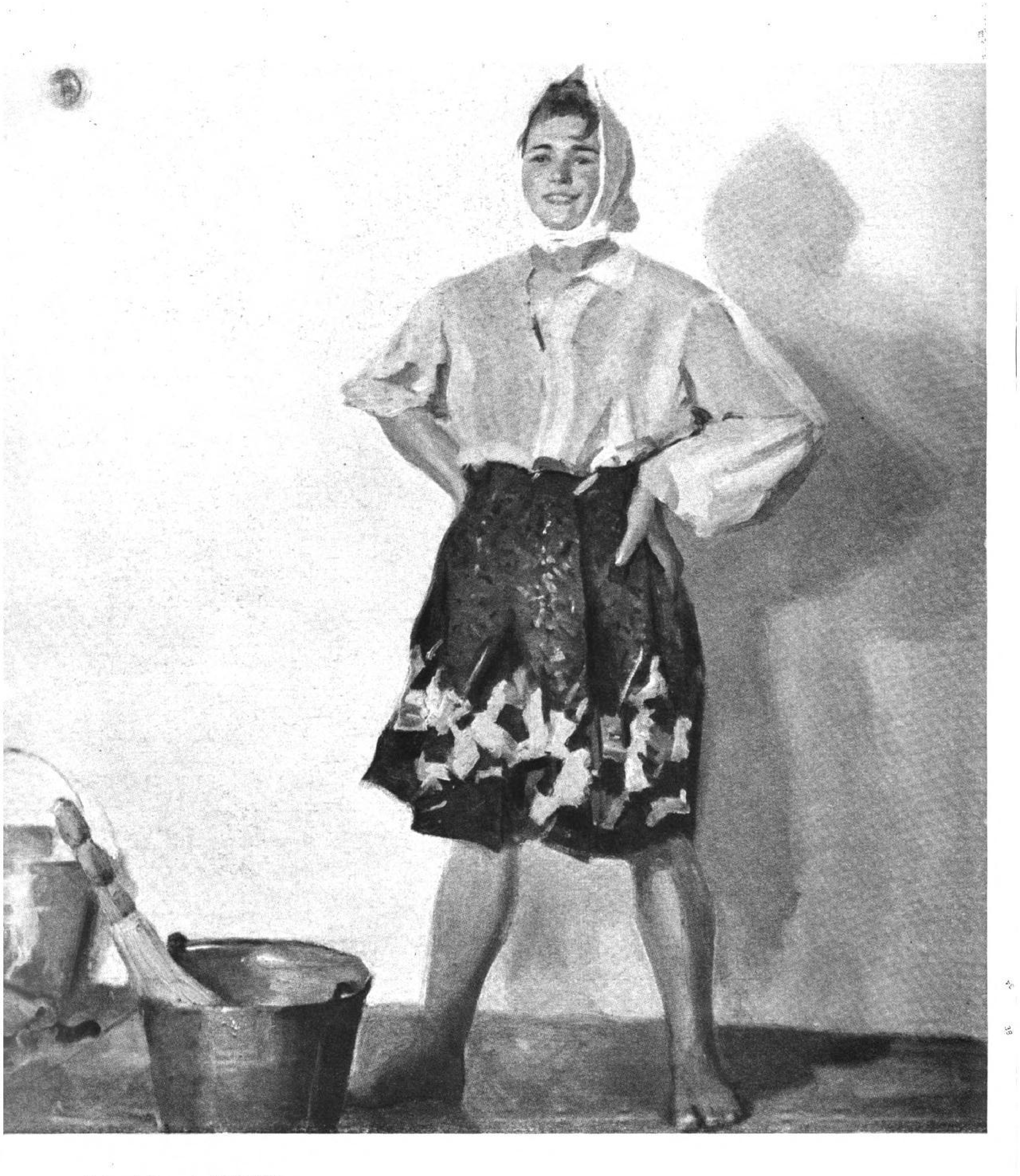
— Прыгаю, как воробышек,— ответила она.

И в ее голосе теперь было не меньше задора и не меньше веселости, чем у тех, кого я вижу в райкоме по вторникам, когда они, выйдя из зала заседаний, поздравляют друг друга с вступлением в партию.

В. Громыко (Минск). ЮНОСТЬ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

С. Божий (Одесса). СУББОТНИК.

НАПЕРЕГОНКИ С МЕТЕЛЬЮ

— На лыжне шансов у нас немного, но мы попытаемся победить в подготовке чемпионата,— так заявили наши польские друзья, взявшие на себя организацию первенства мира по лыжам.

Одного лишь опасались гостеприимные хозяева: снежного дефицита. Уже близился день открытия чемпионата, а склоны высоких вершин в районе Закопане еще угрюмо чернели, словно предупреждая лыжников об опасности. Все могут сделать умелые руки, но как укутать снегом землю?

За три дня до открытия чемпионата снег наконец пошел. И к тому часу, когда девятнадцать команд выстроились на стадионе, организаторы чемпионата были озабочены лишь одним: как бы снегопад не сорвал гонок и прыжков с трамплинов. Снегу все прибавлялось, и в свете прожекторов на стадионе церемониальным маршем проходили сильнейшие гонщики и грозная метель.

Польские газеты растерянно заявили, что такой «шнежицы» не помнят самые старые гуралы (жители горных районов Польши). Улицы Закопане оказались под глубоким снежным покровом, и в бой были брошены снегоочистители, бульдозеры и тракторы со всей округи. Но лыжню, проложенную в лесу, на склонах гор, снегоочистителем не восстановишь. И всю ночь перед первой гонкой польские лыжники утюжили эту засыпанную лыжню, а снег все сыпал и сыпал без малейшей передышки.

В сквозном мельканни снегопада прошла первая гонка чемпионата — на 30 километров. Ее открыл советский спортсмен Николай Аникин — нет ничего более трудного при такой погоде, чем идти первым,— а выиграл финн Э. Мянтюранта. Сенсацией был успех итальянца де Флориана, занявшего третье место. Итальянские лыжники за всю историю чемпионатов мира еще никогда не попадали в число призеров.

Лучший результат среди советских лыжников показал Иван Утробин. Он занял седьмое место.

С большим нетерпением ждали следующей мужской гонки — на пятнадцать километров. Многие команды ввели в бой свежие силы. И только мы выставили прежний состав, заменив лишь Аникина Колчиным. На «скамье запасных», как это у нас часто бывает, осталась молодежь. Результаты? Увы, они нас не обрадовали. Гонку выиграл швед Ассар Рённлунд, за ним три норвежца, пятое место занял финн Мянтюранта, а советские гонщики Колчин и Ваганов замыкают десятку сильнейших.

Зато советские гонщицы начали чемпионат блестяще. Гонка на пять километров стала нашим подлинным триумфом. Снова, как и в мужской гонке на 30 километров, тяжелая честь ее открытия выпала представительнице советской команды Евдокии Мекшило. И снова метель хозяйничала на лыжне. Ушли на дистанцию Любовь Баранова, Мария Гусакова и, наконец, Алевтина Колчина. В нынешнем сезоне Алевтина в великолепной форме. В ее «боевом списке» победы и на своем снегу и на зарубежном. Тоненькая, гибкая, она, как молния, срывается со старта. Вслед за Колчиной взяла старт финка Рантанен. Ее сила хорошо известна. От нее надо уйти как можно быстрее. И это желание сквозило в каждом движении Колчиной.

Все ждали появления на стадионе этих двух замечательных гонщиц, и вот финиширует Колчина. На ее груди № 31, но появилась она на стадионе рядом с лыжницей под номером 19. У скольких же гонщиц Колчина просила лыжню, скольких она обогнала!

А где же Рантанен? Проходит несколько минут, прежде чем появилась финская лыжница. И результаты этой гонки определены: Колчина завоевала золотую медаль. Вместе с ней на трибуну почета поднялись Баранова и Гусакова. Наши спортсменки неслись к победе наперегонки с метелью.

Этот день кончился еще одним успехом советских спортсменов: Дмитрий Кочкин завоевал серебряную медаль в двоеборье.

КОРОЛЕВЫ ЛЫЖ

До нынешнего первенства мира на лыжном Олимпе королевским титулом награждались лишь мужчины — те, кто добивался победы на самой трудной дистанции — пятьдесят километров. Нам кажется, что после соревнования в Закопане с подобной дискриминацией надо покончить. В самом деле, разве не заслужили советские гонщицы права считаться королевами лыж?

Чемпионки мира Л. Баранова, А. Колчина и М. Гусакова.
Фото специального фотокорреспондента ТАСС В. Кунова

НА ЛЫЖНОМ ОЛИМПЕ

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Весь стадион, весь Закопане повторял хорошо известные имена Р. Ерошиной, Л. Барановой, М. Гусаковой и А. Колчиной, когда был дан старт второй женской гонке — на десять километров. Взобравшись на бесконечно длинный и крутой снежный склон, мы увидели у лыжни государственного тренера Виктора Баранова. На груди у него была маленькая рация, проволочка антенны прикреплена к сучку. Монотонным голосом профессионального радиста Баранов повторял: «Люба пять выигрывает у Розы, пять проигрывают наши». А в это время жена Баранова, Любовь Баранова, взявшая старт вслед за Ерошиной, появилась там, внизу, и начала мучительный подъем. Следовало уже новое сообщение, которое Баранову передавал наш контрольный пункт, а он, в свою очередь, передавал это сообщение дальше в эфир: «Колчина выигрывает у Барановой и Гусаковой 20 секунд. Колчина выигрывает...» И вдруг закричал взволнованно и быстро: «Любочка, проигрываешь Але двадцать...» Трудно, наверное, сохранять беспристрастность, когда на лыжне ведет борьбу такой близкий тебе человек, как жена.

...А борьба с каждым километром все больше приобретала «внутрисоюзный характер». Основные соперницы наших четырех гонщиц — финки М. Лехтонен и С. Рантанен, а также шведка Б. Мартинссон — уже после половины дистанции не могли претендовать на призовые места.

И вот поразительный итог этой гонки. Четыре первых места за нашими спортсменками. А. Колчина, М. Гусакова, Р. Ерошина и Л. Баранова возглавили список 34 сильнейших лыжниц мира, закончивших эту дистанцию. Так после двух гонок советские спортсменки получили 6 призовых медалей из 6. Но и на этом не были исчерпаны их возможности. Через день мы снова увидели их на лыжне. Разыгрывалась эстафета 3 × 5 километров. Скандинавкам давался еще один шанс на реванш. И казалось, что шанс этот не так уж иллюзорен: ведь нынешней зимой на соревновании в Швейцарии финки выиграли у нашей команды эстафету. Но вот под ярким горным солнцем дается старт, и Л. Баранова после первых же 500 метров возглавила гонку. Ее успех блестяще развила Гусакова, а затем и Колчина. И снова победа, третья победа на чемпионате мира. Как же после этого не назвать наших замечательных гонщиц королевами лыж!

ТОЛЬКО БРОНЗА

Такова уж природа спортивной борьбы: радость одних всегда соседствует с огорчением других.

Уже после первой гонки на 30 километров, несмотря на то, что советские спортсмены не попали в число призеров, знатоки обратили внимание на Ивана Утробина, могучего, волевого сибирского парня. Но разве мы можем довольствоваться седьмым местом в гонке на 30 километров и десятым местом в гонке на 50 километров, которое занял Г. Ваганов? Да, мы испытываем тягостное разочарование результатами наших лыжников. Видимо, разрыв в мастерстве между скандинавами и нашими лыжниками сейчас не уменьшается, а увеличивается. Это не может не внушать нам тревоги. И это положение сразу же было отмечено журналистами как на страницах газет, так и в кулуарах пресс-центра. Одна из газет, обсуждая шансы нашей команды в мужской эстафете, писала: «Наибольший шанс на победу в эстафете имеют норвежцы, не меньше — шведы; впрочем, и финны способны на взрыв. Можно ждать победы итальянцев над советскими лыжниками».

...Перед нами широкая белая полоса, усеянная красными флажками. Она образует много смежных коридоров, которые вдали сливаются в одну лыжню. И вот уже выстроились в одну линию лыжники, сейчас они сорвутся со старта. Мелькают разноцветные цифры на спинах. Впереди швед, за ним Утробин, третий — финн. Рядом с ним норвежец. За ним итальянец. Главное сейчас — занять лыжню...

Пять километров, половину этапа, эта пятерка прошла вместе. Но в конце этапа картина изменилась: шведу удалось немного опередить остальных, и он первым коснулся плеча товарища. Вторым шел финн, а третьим принял эстафету итальянец. Правда, Утробин отстал всего на восемь десятых секунды, и Колчин успел уйти со стадиона раньше итальянца.

А где же норвежец? Он передал эстафету всего лишь пятым. Вот он, спорт! А ведь многие считали, что золотые медали у норвежцев в кармане.

Конец второго этапа. Норвежец обходит итальянца. Швед попрежнему лидирует. Он уже подходит к стадиону, и там его готов сменить товарищ. Кто же это? Это знаменитый Сикстен Ернберг! Ему многие прочили близкий конец спортивного пути. Да и сам он всячески поддерживал эту версию. Ведь ему 33 года. Когда он брал старт, мне вспомнилось интервью с ним: «Я не приехал в Закопане за лаврами. Я для этого слишком стар. Лучшее время для гонщика — между 25 и 30 годами. Эти годы у меня уже позади». И это заявил человек, который через несколько дней стал подлинным героем чемпионата, завоевав золотую медаль в гонке на 50 километров! Но еще и до этого, в эстафете, о которой мы сейчас рассказываем, Ернберг не подвел своих товарищей. Первым он ушел со старта и первым прошел третий этап, далеко оторвавшись от финна. Его сменил на лыжне Рённлунд, от финнов идет Мянтюранта. Итак, на последнем этапе встретились два новых чемпиона мира. А вслед за ними устремился Геннадий Ваганов. Сможет ли он удержать до финиша те 20 метров, которые отвоевали у норвежцев его товарищи? И Ваганов смог. Он удержал третье призовое место, не упустил бронзовой медали. Это тот случай, когда бронзу можно назвать драгоценным металлом. Но все же это только бронза.

С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Дюжа Крокве — гордость Закопане. Этот огромный трамплин, с которого можно совершать 100-метровые прыжки, построен специально для мирового чемпионата. Сколько пришлось взорвать кубометров скал, сколько заложить бетона! А уже в эти дни с трамплина сброшено много тысяч тонн снега. Это потребовало самоотверженного труда от наших польских друзей. Все ждут с нетерпением заключительного дня, когда слово должны взять прыгуны.

В последний день первенства, 25 февраля, мы увидели прыгунов на большом трамплине. Это было зрелище исключительной красоты и таких равноценных возможностей, что никто не брался предсказать победителя. Раз за разом прыгуны брали старт на самой вершине лыжного Олимпа и устремлялись вниз. А под их ногами все окрестные склоны были усеяны многими тысячами зрителей.

Заслуженный успех пришел к знаменитому спортсмену из ГДР Х. Рекнагелю. Серебряную медаль завоевал советский прыгун Николай Каменский.

Но разве малой наградой для остальных прыгунов, не попавших в число призеров и в десятку лучших, было само участие в этих интереснейших соревнованиях? Ведь они получили огромный опыт, который поможет им в будущем.

Именно в этом большое значение мирового чемпионата по лыжам для тех, чьи имена прогремят в грядущих спортивных схватках.

„Гроза" Паше

Н. ТОЛЧЕНОВА

Отдых был тогда, летом 1957 года (так же, впрочем, как и сейчас), необходим Пашенной.

С усилием вырвалась она, подготовив «Каменное гнездо», из беспощадного, неумолимо подчинявшего себе круговорота ежедневных репетиций и спектаклей, быстро собралась и — хоть ненадолго — уехала из Москвы в любезное сердцу Щелыково.

Разморенные зноем вековые деревья, видевшие и помнившие Островского, встретили усталую актрису приветливым шелестом; неминоговодная Куекша, легонько плеща у низких берегов, повела чуть видной в густых травах знакомой тропой туда же, куда устремлялась и сама, — к Волге. И такая желанная тишь сразу охватила душу, такое отдохновение!..

В этом блаженном ощущении покоя и замелькали дни: то ласковые, солнечные, то хмурые, с лениво моросившим грибным теплым дождиком.

Потом мысли о прошлом и будущем снова стали сопровождать Пашенную на прогулках. Правда, они приходили робко и послушно шли рядом, не утомляя. Но постепенно Вера Николаевна все больше возвращалась душой своей к творчеству. А значит, к театру.

Вокруг все дышало образами Островского. Самый дом — Музей Островского, где отдыхали актеры Малого театра, — теперь уже начинал казаться, если отойти от него чуть подальше и взглянуть неожиданно из-за купы деревьев, искусной декорацией со своими старинными узенькими окошками и чудесной деревянной резьбой по фронтону, вновь и вновь повторяющей словно неслышную, зато видимую глазом песню — тончайший и замысловатый узор... И хоть даны были в Москве всем домашним самые что ни на есть клятвенные обещания только отдыхать в Щелыкове и даже не думать, упаси бог, ни о чем похожем на работу, Вера Николаевна однажды взяла на ночь — пока просто так, почитать — томик Островского.

Может быть, это и осталось бы просто так, если бы не «Гроза».

Наступавшее в 1959 году столетие удивительного произведения, в котором гений Островского охватил, словно единым взглядом, жизнь России: и мрак, сгустившийся над страной, и трепетное сияние душ человеческих, пронизывающее этот мрак пусть еще отдельными вспышками, — необыкновенно взволновало Пашенную. Оно отозвалось во всем ее творческом существе каким-то настойчивым, требовательным толчком, уже предвещавшим рождение замысла. Так будущий ребенок впервые дает знать матери о своем существовании.

— «Гроза»... «Гроза»...

Никому — и меньше всех самой себе — не сказала Пашенная, что отныне «Гроза» уже читалась и перечитывалась ею в Щелыкове тем особым, неспешным и проницательным взглядом, который, задерживаясь на каждой фразе, всматриваясь в каждое слово, бережно — и в который уже раз! — перебирал их, как четки; нехотя скользил дальше и опять возвращался, будто вбирал, втягивал все прочитанное куда-то глубоко внутрь, на самое дно души. А там эти фразы и слова никак не хотели лежать спокойно. Точно сами по себе, они возникали по ночам перед плотно сомкнутыми, но неспящими глазами. Сон исчезал. Да и до сна ли тут было!

Положив руки на пылающий лоб, Пашенная повторяла про себя пьесу — уже не как актриса, влюбленная всю жизнь в Островского, а еще глубже, еще шире и просторней, еще заинтересованнее. Как режиссер.

...Легко сказать — сызнова поставить «Грозу»! За сто лет человечество, кажется, все изучило в этой пьесе вдоль и поперек. И с годами так прочно вошли в сознание людей привычные представления о героях, что теперь уже самая их хрестоматийность в чем-то незаметно стала граничить с рутинностью, косностью, порой загораживая либо даже совсем заглушая необъятное, многоголосое звучание «Грозы». Лишь всегда слышна была пробивающаяся сквозь яростный гнев Кабанихи обреченно-грустная, тоскливая мелодия Катерины, безысходно гибнувшей в чаянии грозового очистительного удара.

Сейчас, глядя «Грозу» — новый спектакль Малого театра, создававшийся несколько лет, как бы сверх той огромной работы, которую несла все эти годы на своих плечах Пашенная, — даже не представляешь, что возможна иная трактовка, иное прочтение пьесы.

Все в этом спектакле решено и отгадано действительно сызнова. Но не бездумной отгадкой, рассчитанной ради нового на внешний эффект... Мысли, навеянные Островским и взятые у Островского — мысли режиссера, художника, композитора, артистов — Пашенная собрала воедино своей могучей волей.

Непоколебимая воля эта поражала всех, даже тех, кто близко знает Пашенную... Казалось бы, совсем без сил, разбитая, едва прикорнувшая между утренней репетицией «Острова Афродиты» и вечерним представлением «Каменного гнезда», Вера Николаевна неизменно поднималась, точно сбрызнутая живой водой, чтобы завести нескончаемый деловой разговор о «Грозе» с режиссером Гладковым либо художником Волковым, молодым музыкантом Родионом Щедриным.

...Кабаниху долго обдумывала Пашенная сама с собой. И про себя. Молча. Всем, конечно, хотелось знать, какая она будет. Вера Николаевна на расспросы отвечала неохотно, неопределенно. Только однажды поделилась:

— А Кабаниха-то сегодня взяла и заговорила! Слышу, к Катерине обращается негромко. И ядовитым, сокрушенным таким голосом, будто доброжелательно даже: «Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь?»

Ядовитая Кабаниха... И негромкая. Здесь был ключ! Возможно, главный.

Пашенная отнюдь не искала в Кабанихе ничего такого, что шло бы от внешнего преувеличения, заострения. Кабаниха ведь человек. Состоятельная купчиха. Почему-то совсем никто не помнит, что ее зовут Марфой Игнатьевной... А в этой Марфе Игнатьевне страшно вовсе не то, что она во многих театрах утробно рычит по воле режиссера, топочет ногами и грозит клюкой окружающим, даже по внешнему облику своему иногда смахивая более на раскольницу либо православную мать-игуменью,— не столько оплот старины, сколько ее наступательная сила...

Кабаниха Пашенной совсем не такая. Она не наступает на новое — она его тихо грызет, ест поедом у себя дома... Это прежде всего ханжа и притворщица, отчаянная лицемерка! Ее эгоизм, как и ее невежество, спрятаны под самодовольной личиной рыхлого, дебелого бабьего благочестия... В сцене с Диким, которого играет Михаил Жаров, расходившийся купец хватает Марфу Игнатьевну за юбку совсем недвусмысленно. А она — румяная, довольная, в прищуренных глазках несомненное согласие: «Что ж, кум, зайди!»

Самый текст пьесы зазвучал так, что изумленная публика бросается перечитывать пьесу! Да неужели же это у Островского сказано? Оказывается, сказано. Сценический эффект, новаторство спектакля пришли в результате столь кропотливой работы, какая до сих пор была достоянием разве что немногих научных исследований.

Характеры выявились благодаря этой работе — крупные, отчетливые, человечески разносторонние.

Стала ли почтенная Марфа Игнатьевна, разнаряженная с щедрой купецкой аляповатостью, в пышные, яркие, торчком торчащие воскресные наряды, менее страшной, менее ужасной оттого, что не вопит истошно, не звереет, а вполголоса и с ехидством невыразимым точит и точит своих близких, как ржа железо. И ведь точит не только Катерину. Точит и Тихона и Варвару... А посмотрите-ка на них! Какая огромная че-

---

Лирика

Елена СЕРЕБРОВСКАЯ

НЕКРАСИВЫХ НЕ БУДЕТ

Замечал ты, как лица
Свои очертанья меняют,
Изнутри освещенные светом любви?
Это добрые чувства
Усталость, морщины сгоняют,
Возвращается полдень,
И песенка просит: зови!
Жизнь горбатила прежде,
Толкала, теснила и мяла,
Рад, коль целым остался,
Хотя кривоват и сутул.
Но борьба продолжалась,
И жизней сгорело немало,
Чтобы в лица людей
Очистительный ветер подул.
Замечал ты, как люди
От радостных чувств хорошеют?
Не мгновенно, а все ж
Неизменно, опять и опять.
Дни грядущие
В нынешних днях вырастают и зреют,
Их тебе приходилось
Уже не однажды встречать.
Мы торопим их, ждем,
Как влюбленный свиданья,
Всё, что в силах,
Готовы мы сделать для них.

Замечал ты, как лица
Меняют свои очертанья,
Как прекрасны они
В просветленный, торжественный миг?
Поколенья проходят,
Текут вереницами люди,
Уловивши едва
Бегло вспыхнувший свет перемен
Не в домах и машинах — в себе.
Некрасивых не будет.
Коммунизм распрямляет людей,
Подымая с колен.

Н Н О Й

ловеческая трагедия скрывается за каждым словом, взглядом, жестом Тихона. Марфа Игнатьевна загубила, сломала его душу куда раньше, чем душу Катерины, желая полностью подчинить себе наследника своего добра, своих кубышек и укладок, своего дома, своего дела... Такого Тихона, какого показал артист Доронин на сцене, пожалуй, тоже не было.

А Варвара!.. Ее даже и не хочется звать Варварой: как-то грубо и неприятно это звучит по отношению к ней. Катерина кличет свою золовку Варей, — так она и есть Варя, милая, веселая, отзывчивая... Видно, эту душу Кабаниха не успела еще тронуть. И если талантливая, нежная Катерина Нифонтовой — луч света печального, лунного, то неунывающая, полная ликующей радости жизни, вся какая-то стремительная и задорная Варвара в исполнении О. Хорьковой кажется солнечным, горячим лучом.

И совсем удивительного Кулигина нашла в своей «Грозе» Пашенная. Вот уж истинно, где открылся негаснущий, терпеливо и ясно мерцающий в непроглядном расейском мраке луч неустанной и светлой народной мысли!.. Словно живой мост, перекинутый из прошлого в наш нынешний день, к нам, современникам, — таков Кулигин артиста Маркушева — пытливый, мечтательный, всеми корнями своими живущий в жизни своего времени и всеми ветвями рвущийся в будущее... Все его речи таят такую страстную, такую пламенную веру в народ, в хороших людей, в обязательное завтрашнее счастье, в победу разума, что, пожалуй, он-то в новой «Грозе» и противостоит больше всех миру Диких и Кабановых.

А впрочем, Пашенная и Гладков и не искали одного какого-то центрального столкновения, главного конфликта. Блистательно прочитанная «Гроза» возникает перед зрителем, как симфония, во всем безграничном богатстве человеческих взаимоотношений, даруя зрителю великую творческую радость их открытия и постижения.

Художник Волков по-своему ведет рассказ о «Грозе» — рассказ потрясающей силы. Всю левую часть сцены занимает собор: огромный, сумрачный, какой-то безглазый и величественно-хмурый. Молча, с покорной безнадежностью взывают к ближним о скудном подаянии нищие на паперти: навсегда согнувшиеся старухи, худые, скорбные детишки в лохмотьях, убогий слепец с поводырем... Словно с полотен Сурикова сошла эта сирая, обездоленная Русь.

Замедленные удары благовеста повторяет оркестр приглушенным эхом. Но пока еще не отчаяние, не горькая беда в этих щемящих звуках, а скорее задумчивая, неясная тоска.

А сразу за собором, над обрывом, на какую-то сказочную неоглядную ширину размахнулась Волга, словно русская красота и сила, и над нею живое, глубокое, почти безоблачное небо. Если гроза и таится в нем, то пока еще не более чем намек... И, как ребенок, веселится душой Кулигин, глядя на все это родное, прекрасное: на Волгу, небо, обрыв...

На этом обрыве — таком скупом, почти голом, без привычных березок, с которыми потом следовало бы сравнивать трепетную Катерину, — все и завязывается сразу: жизнь, любовь, печаль, ласка, дружба, тоска о воле, надежда на освобождение...

Конечно, Кабаниха и у Пашенной остается тюремщиком Катерины, заключенной в злую неволю. И зритель догадывается об этом. Догадывается со сжавшимся сердцем, с горячим состраданием.

Ценой жизни вырывается на волю Катерина. Финальная сцена «Грозы» поистине незабываема. Она вся полна огромного и сокровенного внутреннего смысла, вся звучит символическим предвестием иной, невиданной грозы.

Рыбаки и какие-то другие трудовые люди, молчаливые и значительные, в простых и бедных одеждах, выносят бездыханное тело утопившейся Катерины на крутой обрыв. С неутешным рыданием бросается Тихон на грудь мертвой жены своей: «Маменька, вы ее погубили!..» Страшной догадкой и еще более страшным обвинением звучит этот надсадный вопль.

Потом Тихон с трудом поднимается на ноги. Изменившийся взгляд его по-новому освещает лицо, будто сразу постаревшее и построжавшее.

Сурово молчат простые люди... Спектакль окончен. Занавес медленно закрывается и снова распахивается. Собрав вокруг себя всех актеров, Пашенная выходит на авансцену, к публике. Люди в зале кричат и неистово бьют в ладоши. Несмолкаемый, плещущий шум аплодисментов напоминает ровный и сильный шум весеннего ливня... Шум грозы.

Кабаниха — В. Н. Пашенная.

Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

* * *

Жизнь в жизнь врезается. Врастается.
Принадлежавшее двоим
Нечаянно перемешается,
Чужое делая твоим.

В столе моем — блокнота листики,
Исписаны твоей рукой.
В столе твоем — без всякой мистики! —
Мой потерявшийся покой.

Вот так невинно начинается,
Хоть с фотографий, хоть с бумаг.
Жизнь в жизнь врезается. Врастается.
Уже зависим каждый шаг.

Тут вовсе не о власти сказано,
Не об обязанностях, нет,
Тут разве что душа обязана,
Хотя и не дала обет.

А скорость времени стремительна,
Рассвет грохочет нам в окно,
И солнце скажет вразумительно:
— Какие двое? Тут одно!

ВОКЗАЛ

Так море прорывает дамбу,
Так солнце плавит лед зимы.
Благословен вагон и тамбур,
В котором целовались мы.
Кто говорит, что расставанье —
Сплошная рана, горе, боль?
А мне открыло расставанье
Поступков наших смысл и соль.

Последняя минута трезво
Нам возвещает свой финал,
И отрывается железо,
И отдаляется вокзал.

Но отделиться — это боль же!
Стремительно, хоть не бегом,
Чтоб видным быть и видеть дольше,
Ты обгоняешь мой вагон.

И над толпой — рука, которой
Любимей нет, дороже нет,
И убыстряет поезд скорый
Свой окончательный ответ.

Но человек сопротивляться
Привык тяжелому всему.
Пускай разлуки дни продлятся,
Пускай вокзал уходит в тьму,
Он снял сомненья, сблизил руки,
Тянувшиеся сквозь перрон.
Она взаимна, боль разлуки,
Нас вновь сюда покличет он.

Мы говорить умеем с небом,
А тут — совсем подать рукой...

Ты стал мне воздухом и хлебом —
Откуда взялся ты такой?!

Малышам

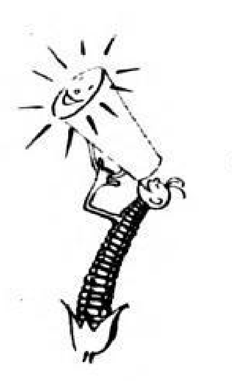
Александр ГОВОРОВ

Вышла в поле...

Вышла в поле
кукуруза.
Вышла в поле —
и загрузла.
И от холода
початки
Надевают все
перчатки.

Завтрак

Только утро
улыбнется,
скажет ночь:
— Прощайте.
Выпивает
кружку солнца
Тоненький
початок.

Корова

Симментальская
корова
кукурузу
ела снова
И в колхоз
приволокла
Два бидона
молока.
Ее хвалят
и ласкают.
А за что?
Не понимает.

Выпал снег...

Выпал снег на землю,
выпал,
полежал.
Глянули сегодня,
а он
убежал.
Убежал
и даже
уволок зиму.
Видно, не понравилось
что-то ему.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Рисунок М. Битного.

ГОЛУБ

Марианна ЖИГАЛОВА

Это был большой рыжий медведь. Танюша увидела его в витрине магазина «Детский мир». В витрине было много всевозможных веселых и нарядных игрушек, но Танюша смотрела только на медведя.

— Мамочка, знаешь, чего мне хочется больше всего на свете? — сказала Таня.

— Чего, доченька?

Танюша показала на медведя.

— Я очень хочу этого медвежонка.

— Не сейчас, Танюша. Придет время, куплю тебе и медведя.

Танюше недавно исполнилось шесть лет. Мать ее работала машинисткой. Отец погиб три года назад, попав в автомобильную катастрофу. Хозяйство вела Танюшина тетя. Она почти не выходила на улицу из-за больных ног.

Каждый день Танюша встречала мать, стоя у подъезда. Как только мать выходила из метро, она сейчас же бежала к ней навстречу и помогала нести сумку с продуктами.

Три дня подряд мама приходила позднее обычного. Танечка ложилась спать без нее. Тетя объяснила, что у мамы много работы. И вот наступил счастливый день. Утром в воскресенье мама подошла к Танюшиной кроватке и сказала:

— Ну, ласточка, вставай. Пойдем в «Детский мир» покупать медведя.

Танюша вскочила и бросилась целовать мать.

По шумным московским улицам Танюша шла, полная радости. Но, подойдя к магазину, они увидели, что того знакомого мишки в витрине уже нет.

АЛЫЕ ФОНАРИКИ

Г. ЦИФЕРОВ

Построил себе зеленый лягушонок летом из зеленых листьев, из зеленых прутьев зеленый-презеленый дом.

В том зеленом-презеленом доме был зеленый-презеленый стол. Зеленый лопух на зеленой ножке. Рядом с зеленым столом был зеленый-презеленый стул. Другой лопух — на другой ножке.

Каждое утро садился зеленый лягушонок на зеленый стул за зеленый стол и рисовал зеленые-презеленые картинки. А потом пришла осень. Пожелтел домик, пожелтел стулик, пожелтели зеленые-презеленые картинки.

Проснулся однажды зеленый лягушонок и сказал: «А это грустно, кругом меня сейчас все зеленое желтеет. Наверное, и я скоро тоже буду желтый». Заплакал он тут. А затем от слез у него покраснели глазки.

Теперь в желтом домике на желтом стулике, за желтым столиком сидит зеленый лягушонок с красными-красными глазами.

Ночью, когда в лесу темнеет, всем кажется, что там, в желтом домике, зажигаются красные огоньки. Кто в лесу заблудится, тот придет на эти огоньки греться.

Тук-тук — откроются желтые двери. Топ-топ — выйдет навстречу зеленый лягушонок с красными глазами.

Да, конечно, это глаза. А ведь все думают, что это алые-преалые фонарики.

Михайло СТЕЛЬМАХ

ДЕТЯМ ГРИБ КУПИЛ БЕРЕТЫ

Детям гриб купил береты,
сразу их надели дети.
Привстают аж на носочки,
чтоб их видели в лесочке.
Просит гриб:
— Не нужно, дети,
всем показывать береты.
Ходит баба за дубами,
попадете в борщ с грибами.

Перевод с украинского.

ОЙ БАНТИК

Танюша чуть не заплакала. Но мать сказала:

— Чего ты расстраиваешься, посмотрим в магазине.

Молоденькая продавщица старалась понять, какой именно медведь им нужен. Она показала коричневого мишку, но это был не тот медведь. Потом продавщица вынесла двух рыжих медвежат. Это были почти такие же, как и тот, в витрине, и Танюша выбрала медвежонка с розовым бантом.

Дома Танюша побежала в садик. Ей не терпелось показать мишку подружкам. И все ребята окружили ее и любовались мишкой.

Когда стало вечереть, мать позвала Танюшу ужинать. Мишка сладко спал на Танечкиных руках. Она не сразу решилась подняться, чтобы не разбудить его.

— Ой, какой у тебя красивый медведь! — Танечка повернулась и увидела перед собой незнакомую девочку.

— Мне его мама сегодня купила,— сказала она важно.

— Дай мне поиграть с ним.

Девочка выхватила из ее рук мишку и побежала с ним, на ходу крикнув, что завтра принесет его обратно.

Танюша побежала за ней, и, когда она почти нагнала ее, девочка остановилась и сказала:

— На, бери, жадюга, бери, если тебе жалко!

Танечка стояла молча, опустив голову. Потом тихо ответила:

— Нет, я не жадюга. Возьми мишку, только завтра непременно принеси.

Девочка убежала с мишкой в руках, а Танюша пошла домой, но на ее глазах были слезы.

Мама встретила ее и сразу же спросила:

— А где же мишка?

— Я его дала одной девочке поиграть с ним. Я вовсе никакая не жадюга.

— Чья эта девочка? Ты ее знаешь?— спросила мать.

— Не знаю, я ее первый раз вижу,— ответила Танюша.— Но она обещала принести завтра мишку обратно.

Мама поцеловала ее и сказала:

— Это хорошо, что ты не жадная. Человек никогда не должен быть жадным. Конечно, девочка принесет мишку обратно.

Но назавтра девочка не принесла мишку. Не принесла она и через день. И Танюша не могла поверить, что ее так обманули.

Однажды мать принесла с работы и вручила Танюше сверток.

— Ну-ка, ласточка, разверни его.

Это был такой же рыженький медведь, только с голубым бантом.

— Видишь, доченька, девочка вернула твоего мишку,— сказала мама.— Только она переменила ему бантик. Это, наверно, очень хорошая девочка. Она сразу поняла, что рыжему мишке пойдет больше голубой бантик.

— Я думала, что девочка эта больше уже никогда не придет,— сказала Танюша.

— Как же ты могла так думать? — ответила мать строго.— Нужно учиться верить людям. Если ты будешь верить людям, они тебя никогда не обманут. Ну, а если найдется такой человек, который обманет, то хуже будет ему, а не тебе.

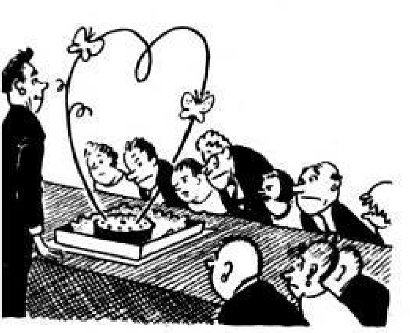
Таня помолчала и сказала:

— Правда, мишке лучше идет голубой бантик. Наверно, это очень хорошая девочка.

Рисунки Л. СМЕХОВА.

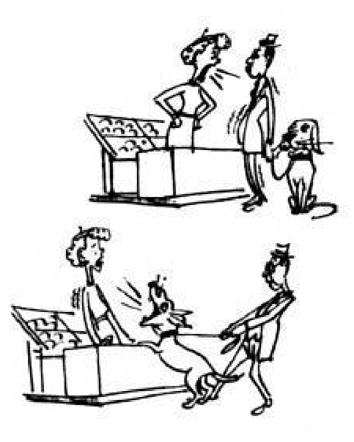
Сюрприз.
Рисунок И. Массины.

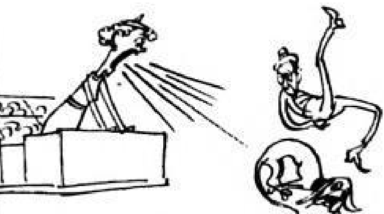

— Не волнуйтесь: это соседка. Опять она обула свои гвоздики.
Рисунок В. Воеводина.

В вычислительном центре
— Я понимаю, коллега, что это очень важно, но такие вопросы лучше всего решать после работы.
Рисунок И. Массины.

К вопросу о вежливости.
Рисунок Ю. Черепанова.

— Дорогая, ты же любишь рыбу!
Рисунок Р. Матюшина.

— Я влюблен в новую санитарку.
Рисунок С. Крылова.

Забылся...
— Вот тут капли, порошки... Ну и, конечно, спорт — штанга, регби, бокс.
Рисунок В. Воеводина.

Война из-за алой и белой розы.
Рисунок В. Черникова.

Супруга то

Театр миниатюр «Огонька» сегодня показывает маленькую комедию Як. Зискинда.

Роль супруги товарища Эн исполняет заслуженная артистка республики Мария Миронова.

Во всех остальных ролях — Александр Менакер.

Фото О. КНОРРИНГА.

1

1.

Перед вами — супруга товарища Эн.

Она обож-жает искусство и в этот день решила пойти в театр с утра. Конечно же, пошла она не в кассу, как все граждане, а к администратору, который мучительно соображал, как в десятиместной директорской ложе усадить восемнадцать нужных ему людей.

2

2.

— Здравствуйте! Надеюсь, вы газеты читаете? И о том, что завод «Красное веретено» выполнил план на двести шесть процентов, знаете? Ну вот! Перед вами жена... жена этого директора. Мне нужны два места не дальше первого ряда.
— Увы, мест нет!
— Для меня?! Нет?! Мест?! Вы пожалеете о подобном отношении к женщине моего пояса!

3.

Оскорбленная в своих лучших чувствах, любительница искусства пошла в клуб к руководителю заводской самодеятельности, в которой она играла отнюдь не последнюю скрипку.
— Иван Петрович, здравствуйте! Вы распределили роли в «Пиковой даме»?
— Конечно. Настенька Котова из

...варища Эн

сборочного будет Лизой, а вы — графиней-бабушкой.

— Что?! Сами вы будете графиней-бабушкой! Лизу спою я!

— Но у нее сопрано...

— А у меня что? Бас?

— Простите, но Лиза — молоденькая девушка...

— А зрители что, требуют метрику? Я открыла вашу самодеятельность, я могу ее и закрыть!

И жена товарища Эн поспешила к мужу на завод, чтобы закрыть самодеятельность.

4.

— Гражданка! Пропуск имеется?

— Мой муж — ваш директор. Понятно?

— Жена не жена — меня не интересует! Мне пропуск подай!

— Вы с ума сошли! Сейчас же пустите меня к мужу!

— Гражданка, не доводите! У меня оружие! Я на посту!

— А я сегодня же сниму вас с этого поста!

— На данный пост не вы меня поставили, а отдел кадров.

— А я и отдел кадров сниму!..

5.

Вечером, когда вернулся сам товарищ Эн, произошло бурное объяснение:

— И ты смеешь заступаться за этого дурака из бюро пропусков?! Защищать этого остолопа — руководителя самодеятельности?!

— Позволь, позволь... Неужели же я должен закрыть самодеятельность, потому что тебе не дают петь Лизу? Ведь Котова моложе...

— Значит, я старуха? (Плачет.)

— Просто ты...

— Бездарность, да? Так мне и надо! Отдала человеку жизнь, молодость — и вот она, благодарность! Двадцать лет назад выходила замуж — не было ни одной морщинки, а теперь? Во что ты меня превратил, зверь? Бросила работу, потеряла общественное лицо, стала домохозяйкой... Была я почти инженером? Было у меня почти законченное почти высшее образование? Ты меня погубил, и ты же меня упрекаешь!

— Погубил?!

— Конечно. Кто говорил: «Ты так любишь утром поспать! Поспи, деточка!»? Вот я и проспала свою карьеру! За что?

— Успокойся, миленькая, успокойся! С самодеятельностью мы что-нибудь придумаем... Может, вы там что-нибудь другое споете? «Аиду» или эту... «Трембиту»? То есть «Травиату»? Или «Раймонду»?

— Сам пой «Раймонду»! «Раймонда» — это балет! А я хочу «Пиковую даму»!

— Ладно, я урегулирую. Я скажу на заводе... Даю тебе слово, что все будет по-твоему!

6.

— Давно бы так...

3

4

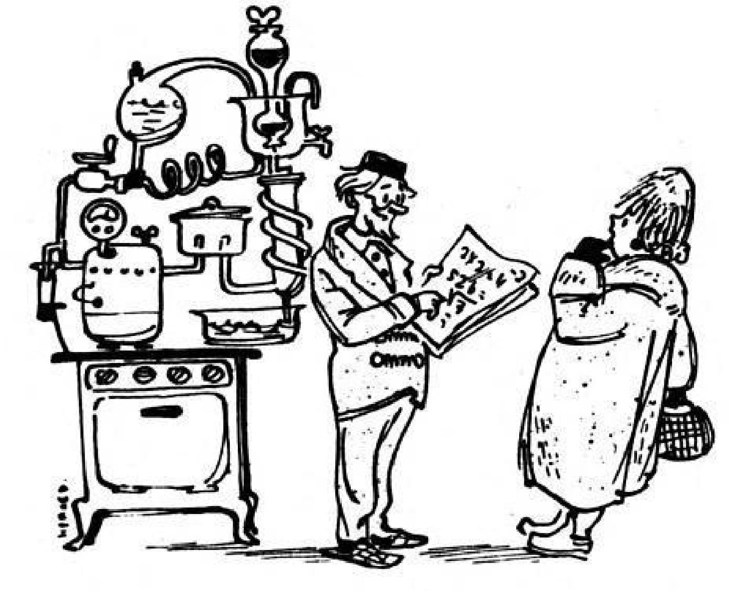

5

> *— Вот вы и познакомились с женой товарища Эн. Надеюсь, товарищей, у которых такие жены, можно перечесть по пальцам.*

6

Дорогая, не волнуйся, я все рассчитал: должен получиться рассольник.
Рисунок К. Невлера.

Агронома Эллочку не оторвешь от комбайна.
Рисунок К. Невлера.

Любит... не любит...
Рисунок Р. Овивяна.

Замариновала.
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Космонавт:
— Какая обида, на этой планете некого поздравить с 8 Марта!
Рисунок А. Петрова.

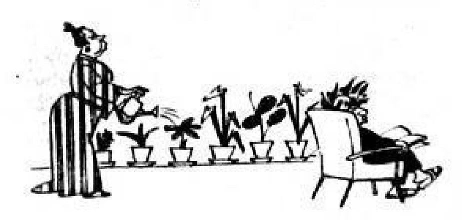
В недалеком будущем.
— Я, кажется, забыла снять кофейник с атомного реактора на кухне.
Рисунок В. Воеводина.

Не выдержал.
Рисунок Ю. Черепанова.

Секрет неувядающих лавров.
Рисунок Ю. Черепанова.

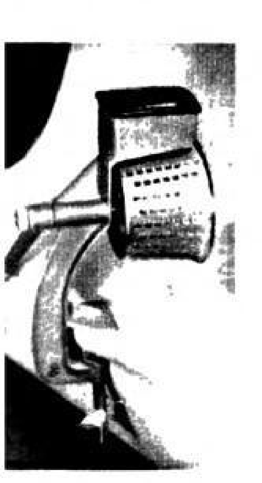

ЛИТЫЕ ТУФЛИ

Каждые четыре секунды в пресс-форму карусельной машины засыпают гранулы поливинилхлоридной смолы и отливают туфли. В таких туфлях отсутствуют швы и гвозди.

Первая опытная партия обуви для пляжа, изготовленная в Институте пленочных материалов и искусственной кожи — ВНИИПИК, уже поступила в продажу.

Главное преимущество новой обуви — прочность. Практически раньше чем износится обувь сменится мода.

МГНОВЕННЫЙ САЛАТ

Вряд ли найдется хозяйка, способная приготовить салат из свежих овощей за одну-две минуты!

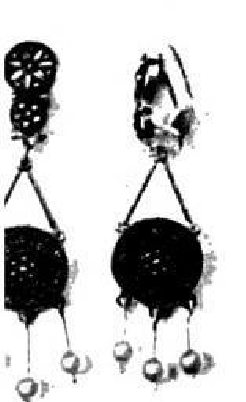
И дело не только во времени: обычная кухонная утварь не позволяет настрогать овощи тонко и без отходов.

Московская местная промышленность разработала и подготовила к выпуску оригинальную по конструкции и форме ручную овощерезку. С ее помощью очень легко можно нарезать овощи и фрукты мелкой и крупной соломкой, ломтиками разных размеров.

По своему внешнему виду овощерезка напоминает обычную мясорубку. Она легко чистится и моется, очень проста в обращении.

Другой кухонный прибор — комбинированная овощерезка — предназначен для обработки овощей, фруктов и ягод. Пользуясь одним приспособлением, на нем можно нарезать вареные овощи крупными или мелкими кубиками; другое приспособление позволяет нарезать яблоки на дольки и вырезать их сердцевину.

Есть в комбинированной овощерезке и шинковка, и терка, и пресс-пюре, и соковыжималка. Такой прибор будет очень удобен в домашнем хозяйстве.

АЛЮМИНИЕВЫЕ СЕРЬГИ

С алюминием обычно связывают авиацию, новые веяния в архитектуре. Недавно работники Ленинградской ювелирной фабрики нашли еще одно применение алюминию. В результате долгой и кропотливой работы здесь созданы украшения для женщин.

Броши, серьги и браслеты покрыты узорами, напоминающими старинные русские орнаменты. Очень малый вес алюминия позволяет изготовлять из него на вид массивные, тяжелые серьги, которые на самом деле легки и не оттягивают мочки. Алюминий хорошо сочетается с пластмассой, искусственным жемчугом, перламутром и тому подобными материалами.

Алюминиевые украшения подходят к выходному платью и к рабочему костюму. Кроме того, они недороги.

Выходной день

1

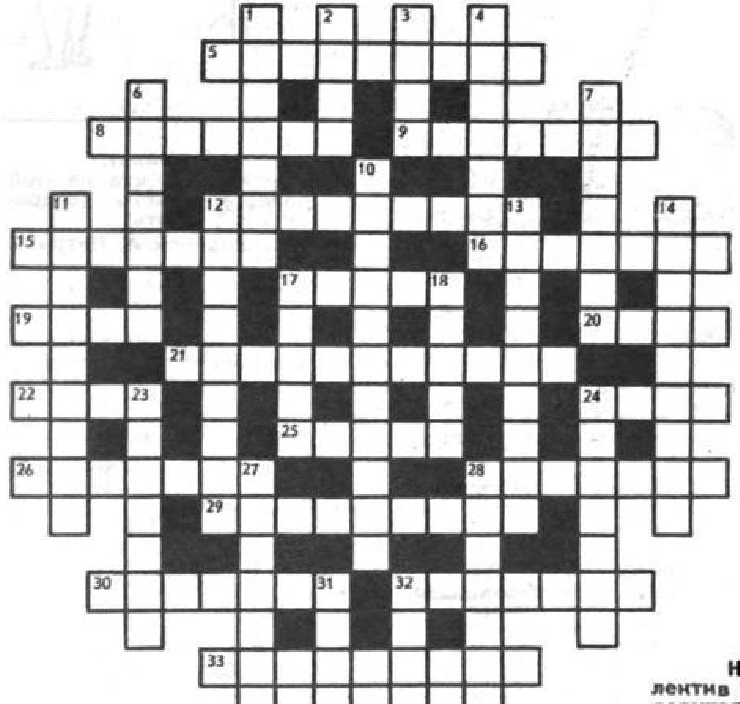
2

Позаботиться о своем домашнем костюме не менее важно, чем о рабочем или выходном. Что бы вы ни делали, какой работой домашней ни занимались, всегда вы можете быть аккуратно и красиво одеты. Тем более, что домашнее платье не требует ни дорогой материи, ни особо искусной портнихи. Его лучше всего шить из хлопка — поплин, ситец, сатин, репс — и делать как можно более простой формы. Это может быть короткое платье-халатик на пуговицах или юбка с блузкой — летом более яркой расцветки, зимой сдержанных тонов. Молодые, высокие и стройные женщины могут ходить в брюках, иным этого делать не следует. И уж никому не рекомендуется ходить целый день в халате, даже в шелковом.

Мы показываем одежду для выходного дня, предложенную художниками Ленинградского Дома моделей М. Бочаговой, М. Вайтка, О. Губановой, Л. Игнатович, Л. Панкевич, Г. Шатининой и Е. Шуб.

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Город в Таджикистане. 8. Металлическая пластинка, прибиваемая к лошадиному копыту. 9. Сибирский казак-землепроходец. 12. Овощ. 15. Вид локомотива. 16. Отношение уменьшенных размеров на карте к действительным. 17. Вертикальная труба, брус. 19. Цветок. 20. Электрод. 21. Ведение домашнего хозяйства. 22. Сорт яблок. 24. Один из Японских островов. 25. Приток Оки. 26. Работник комиссионного магазина. 28. Азбука. 29. Впадина в земной поверхности. 30. Спортсмен. 32. Повесть Л. Н. Сейфуллиной. 33. Оригинал.

По вертикали: 1. Вид примуса. 2. Древний струнный инструмент. 3. Автомобильный фонарь. 4. Действующее лицо «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. 6. Героиня «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой. 7. Валет С. Прокофьева. 10. Изобретатель хроматической гармоники. 11. Советский журнал. 12. Приспособление в комбайне, собирающее валки. 13. Старинное трехмачтовое судно. 14. Семья русских актеров. 17. Стихотворение В. Маяковского о критике. 18. Прозрачная тонкая ткань. 23. Архитектурное украшение над оконным проемом. 24. Знаток края. 27. Советский ученый-ботаник. 28. Металлический барометр. 31. Советский гроссмейстер. 32. Денежная единица Корейской Народно-Демократической Республики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

5. Фейхтвангер. 8. Сенегал. 9. Еврипид. 10. Струя. 13. Бедье. 15. Тарту. 20. Авдотка. 21. Фургон. 22. Благой. 23. Ориноко. 24. Марка. 27. Пакля. 30. Квота. 32. Квартал. 33. Рефлекс. 34. «Крестоносцы».

По вертикали:

1. Неделя. 2. Ателье. 3. Щавель. 4. Шевиот. 6. Метр. 7. Шифр. 11. Тянучка. 12. Улугбек. 14. Дворник. 16. Астахов. 17. Триолет. 18. Каноэ. 19. Забор. 25. Ревю. 26. «Аврора». 28. «Аэлита». 29. Ларина. 30. Кольца. 31. Очки.

На первой странице обложки: Знатная прядильщица Валентина Петрищева. Коллектив Московской прядильно-ткацкой фабрики имени М. В. Фрунзе выдвинул ее кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Весна в горах Памира. Фото Л. Раскина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00428. Подписано к печати 28/II 1962 г. Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 190. Заказ 535.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

1. Этот рабочий халат свободного покроя не стесняет движений и вполне защищает платье во время уборки.

2. Домашнее платье в любое время года надо шить из легко стирающихся тканей. Это платье из репса, кант из белого бумажного пике.

3. Не надевайте нарядных платьев, когда вы ждете гостей. Гости почувствуют себя неловко, если будут одеты хуже хозяев.

4. В гости следует надевать платье не очень открытое, в театр можно более открытое.

5. Когда вы накрываете на стол, достаточно надеть на платье маленький передник.

Милая мама

Слова Игоря **ЛАШКОВА.**

Музыка **А. АВЕРКИНА.**

1. В мыслях я навещаю
Домик наш за рекой.
Как живешь ты, родная,
Сыну сердце раскрой?
К нежной, ласковой самой
Письмецо свое шлю.
Мама, милая мама,
Как тебя я люблю!

2. Я живу на границе,
Где полярная мгла.
Ветер в окна стучится,
Путь метель замела.
К нежной, ласковой самой
Письмецо свое шлю.
Мама, милая мама,
Как тебя я люблю!

3. Над моим изголовьем
Наклоняешься ты,
И смотрю я с любовью
На родные черты.
К нежной, ласковой самой
Письмецо свое шлю.
Мама, милая мама,
Как тебя я люблю!

4. Улыбнись веселее,
Напиши мне ответ.
Ведь улыбкой твоею
Я на службе согрет.
К нежной, ласковой самой
Письмецо свое шлю.
Мама, милая мама,
Как тебя я люблю!

Цена номера 30 коп.